

ВОЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

132979 /
ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

1891

Н О Я Б Р Ъ

№ 11

375
400

БУХАРА.

Краткій историческій очеркъ.

Бухарскимъ ханствомъ, для котораго Бухара служитъ нынѣ главнымъ городомъ, называется страна, лежащая къ сѣверу отъ средняго теченія рѣки Аму-Дарьи или древняго Окса, носившая поэтому названіе Трансоксианы или Трансоксаниі у древнихъ географовъ и Мавераннагра (¹) у средневѣковыхъ. Важнѣйшую часть этой страны составляетъ полоса земли по обѣ стороны рѣки Зеравшана (Зяръ-авшанъ), орошенная ея водой. Рѣка эта носила прежде названія Политимета, Согда и др., а сама страна, по ея теченію, называлась Согдианой.

Въ своемъ очеркѣ мы будемъ говорить сначала о «Трансоксианѣ» (и о важнѣйшей части ея—Согдианѣ), затѣмъ перемѣнимъ названіе на «Мавераннагръ» (съ Бухарой и Самаркандомъ, какъ важнѣйшими пунктами) и, наконецъ, съ XVII вѣка установившуюся политическую единицу будемъ называть «Бухарскимъ ханствомъ». Не избираемъ мы изъ нихъ одного какого нибудь названія потому, что въ политическомъ смыслѣ эти понятія несомнѣстимы. Попутно мы будемъ упоминать о границахъ тѣхъ могущественныхъ Среднеазіятскихъ государствъ, которыя создавались временами изъ этой небольшой страны, служившей имъ всегда какъ бы фокусомъ и точкой опоры, но которымъ трудно давать какое нибудь названіе, кромѣ имени перемѣнныхъ создателей ихъ.

Въ глубокой древности страна эта заселена была арійцами иранской вѣтви (²). Греки еще задолго до похода Александра Македонскаго слышали о благоустройствѣ и благосостояніи ея. О высокой степени культуры и умственной жизни этого народа сохранились

(¹) Арабское слово, овпачающее въ буквальный переводѣ: «то, что по ту сторону рѣки».

(²) «Иранъ». *К. Риттера*, перев. *Н. Ханыкова*, стр. 26, 30, 40, 45, 175, 511, 520 и др. *А. И. Макишевъ*. «Историч. Обзоръ» и проч., стр. 2 и 3.

нѣкоторыя указанія у арабскихъ изслѣдователей среднеазиатскихъ древностей. Наконецъ, нынѣшніе таджики, сохранившіе, какъ по языку своему, такъ и по физическимъ признакамъ ⁽¹⁾ наиболѣе слѣдовъ первобытнаго иранскаго происхожденія, несмотря на наименѣе благоприятныя (какъ увидимъ далѣе) условія, даютъ основанія нѣкоторымъ ориенталистамъ полагать, что и колыбель славной въ древности персидской культуры (Зороастрово ученіе) была не только въ сѣверныхъ долинахъ Гиндукуша, но занимала и сосѣднюю плодородную долину нынѣшняго Зеравшана.

Въ доказательство высокой государственной организаціи въ древнѣйшія времена упомянемъ о могуществѣ Афросіаба, правителя той страны, который нѣкогда, по всей вѣроятности, былъ лицомъ историческимъ, но уже въ первые вѣка по Р. Х. сдѣлался мифомъ въ преданіяхъ персовъ, такъ какъ они утратили свои историческія книги ⁽²⁾. Этому Афросіабу нѣкоторыя преданія приписываютъ и постройку города Джемукента, носящаго нынѣ названіе Бухары ⁽³⁾.

Въ описаніяхъ походовъ Александра Македонскаго (въ 329—327 г. до Р. Х.) не имѣется, однако, положительныхъ данныхъ и указаній, существовалъ ли уже тогда городъ Бухара; но греки застали страну, повидимому, богатою, имѣвшюю много значительныхъ укрѣпленныхъ городовъ и управляемую нѣсколькими владѣтелями или князьями, независимыми другъ отъ друга и разрозненными. Многомиліонное населеніе страны было сначала ошеломлено неожиданностью нашествія и несомнѣнно высокими воинскими качествами македонскаго 20,000—30,000-наго войска, а потому показалось покорнымъ и миролюбивымъ ⁽⁴⁾. Но затѣмъ, когда завоеватели были уже у Яксарта (Сыръ-Дарья), вокругъ и позади ихъ возстало почти все, способное носить оружіе. Такъ какъ возстаніе не было организовано, не имѣло общаго плана дѣйствій, то и было подавлено, но для этого потребовалось почти всю страну послѣдовательно обратить въ кладбище и развалины. Уцѣлѣвшіе убѣжали въ горы, а завоеватель принужденъ былъ уйти со сцены совершенныхъ подвиговъ, чтобы дать отдыхъ своимъ войскамъ и, главное, получить подкрѣпленія. За это время Согдіана тоже успѣла оправиться

⁽¹⁾ Г. Вямберг. «Исторія Бухары», т. I, стр. 7 и 8.

⁽²⁾ В. В. Григорьевъ. «Карахавиды» и проч., стр. 19.

⁽³⁾ Г. Вямбергъ указываетъ и на другія преданія, которыя приписываютъ постройку г. Бухары Сіашу, сыну Кейкауса (Кира?), бѣжавшему изъ Ирана.

⁽⁴⁾ Въ описаніи похода Александра Македонскаго мы подчиняемся авторитету извѣстнаго ориенталиста, В. В. Григорьева, раздѣляя вполне его взгляды. Изъ монографіи его объ этомъ походѣ мы извлекаемъ и нижеприводимыя цитаты.

и опять возстала изъ конца въ конецъ. Потребовалась та же беспощадная энергія, новые потоки крови и еще большее опустошеніе страны; часть женъ и дѣтей, оставшихся въ живыхъ, въ видахъ колонизаціи, отдана была въ рабство раненымъ и инвалидамъ-воинамъ. Пожарище, казалось, было залито и потушено. Но македонцамъ пришлось и въ третій разъ обжечься объ вспыхнувшіе во многихъ мѣстахъ огоньки сопротивленія. И вотъ, наконецъ, они остались въ безопасной странѣ; но уйти въ дальнѣйшій походъ, въ Индію, не представилось пока возможности: обширныя окраины подавленной страны укрыли непокорившихся и сами ожидали только ухода завоевателя. Для нихъ Великій Александръ принужденъ былъ испытать другое средство: бросившись за непокорною знатью на востокъ въ горныя трущобы—въ нынѣшнюю юго-восточную часть Бухарскаго ханства, при первой же удачѣ и расправѣ, гдѣ-то въ районѣ нынѣшнихъ Дербента, Ширабада и Термеда, онъ встрѣчаетъ красавицу (?), плѣнницу, Роксану, дочь одного изъ туземныхъ бѣглыхъ князьковъ, Оксіатра, и къ удивленію всѣхъ вступаетъ съ ней въ законный бракъ. «Такая невообразимая честь, выпавшая на долю туземной княжны, когда гордый побѣдитель не удостоилъ взять за себя ни одной изъ красивыхъ дочерей бывшаго царя царей, Дарія, приводитъ въ восторгъ мѣстную аристократію, примиряетъ ее съ завоевателемъ, обращаетъ въ покорныхъ его слугъ. Отношенія измѣняются, какъ бы чудомъ». Въ дальнѣйшемъ завоевательномъ движеніи Александру ставить преграду только единственно природа: однажды онъ погибъ бы отъ лишеній, но его спасаютъ на этотъ разъ не отвага и военный геній, а добрыя услуги вчерашнихъ еще враговъ его, туземныхъ владѣльцевъ. Наконецъ, завоеватель покидаетъ опустошенную и разоренную страну съ полной увѣренностью, что совершилъ великія дѣла. Однако, послѣдствія похода Александра Великаго за Оксъ по меньшей мѣрѣ ничтожны: «черезъ три вѣка послѣ Македонскаго разгрома не осталось уже въ странѣ никакихъ слѣдовъ греческаго владычества». Замѣтимъ, однако, что въ западныхъ предгоріяхъ Памира есть мелкіе владѣльцы, которые до нашихъ дней считаютъ себя родственниками и потомками Искандера Дзюлькарнейна (1).

Слѣдующій періодъ исторіи Трансоксианы вплоть до конца VII вѣка чрезвычайно бѣденъ источниками и остается темнымъ. Можно отмѣтить лишь, что съ начала II вѣка до Р. Х. эту страну стали

(1) *Алекс. Борисъ*. «Путешествіе въ Бухару», т. II, стр. 367.

наводнятъ съ сѣверо-востока народы, общеизвѣстные подъ названіемъ скифовъ, тѣснимые гуннами (1), и прежде всего изъ нихъ саки (2).

Вслѣдъ за ними за столѣтіе до Р. Х. ее подчинили себѣ китайцы для обезпеченія своихъ караванныхъ сообщеній съ западными странами и Византіей отъ гунновъ (3), причемъ послѣднихъ оттѣснили мало-по-малу къ сѣверу, въ Джунгарію, и удерживали эти владѣнія съ перерывами до II вѣка послѣ Р. Х. Затѣмъ на воздѣланныя и плодородныя земли Трансоксіаны стали дѣлать съ сѣвера и съ сѣвера-востока же постоянныя нападенія тюрки или турки-кочевники монгольскаго племени (4), постепенно распространявшіе свое господство и твердо водворявшіеся въ то время въ пограничныхъ степныхъ областяхъ. Будучи народомъ воинственнымъ по преимуществу, турки, вѣроятно, очень рано уже захватили власть въ свои руки, дали своихъ правителей или князей, и переименовали множество названій и именъ, въ томъ числѣ, вѣроятно, и древній иранскій городъ Джемукентъ получилъ монгольское имя — Бухара (5). Изъ византійскихъ историческихъ источниковъ мы узнаемъ, что въ V и VI столѣтіяхъ по Р. Х. обитатели Бухары и Согдіаны водили большіе караваны шелка черезъ царство сасанидовъ въ восточную имперію; но это были, вѣроятно, не турки, а иранцы-аборигены. Свободному развитію культуры послѣднихъ всегда мѣшало соседство грабительскихъ турецкихъ ордъ, которыя все больше и больше наводняли эти страны, а въ VI вѣкѣ производили уже вторженія въ самую Персію. Въ VI вѣкѣ въ оазисахъ края начало вновь усиливаться вліяніе китайцевъ (6), проводниками котораго были, вѣроятно, тѣ же турки, находившіеся подъ сильнымъ культурнымъ вліяніемъ Китая и бывшіе будистами. Борьба между турками и иранцами въ Трансоксіанѣ была не только племенною, но и религіозною, борьбою буддизма и парсизма, и подготовила удобную почву для пропаганды христіанскаго ученія. И въ самомъ дѣлѣ,

(1) В. В. Григорьевъ. «Кабулистанъ» и проч. (К. Риттера), стр. 781 и 782.

(2) Въ виду археологическихъ изысканій послѣдняго времени, мы не рѣшаемся признавать скифовъ арийцами и слѣдовать предположеніямъ В. В. Григорьева, что саки были славяне и между ними колѣно Русь. («О скифскомъ народѣ сакахъ», стр. 186—192, 284 и др. «Труды восточ. отдѣл. Император. Археологическ. общ.», ч. 16. Сиб. 1872 г.).

(3) А. И. Махшеевъ. «Историческій обзоръ Туркестана», стр. 12 и 13.

(4) В. В. Григорьевъ. «Караханнды» и проч., стр. 19 и 20.

(5) «Бухарь» и теперь оупакаетъ по монгольски буддійскій храмъ или монастырь (Г. Вямбергъ. «Исторія Бухары», т. I, стр. 15).

(6) А. И. Махшеевъ, стр. 13; тамъ же.

ученіе Несторія имѣло большой успѣхъ въ этихъ странахъ; послѣдователи его пользовались всеобщимъ уваженіемъ, по словамъ арабскихъ историковъ, и основали въ то время (VI и VII вѣка) нѣсколько епархій. Въ такомъ видѣ застали эти страны въ половинѣ VII вѣка арабы, историки коихъ, не зная древней исторіи края и найдя правителями и князьями его тюрокъ или турокъ, утвердили, поэтому, ошибочное мнѣніе, что за Оксомъ искони властвовали турки (1).

Первые отряды арабскихъ искателей приключеній, жадные къ добычѣ, дойдя до Балха, были соблазнены молвой о богатствѣ сосѣдней Согдіаны и вторглись въ нее (въ 666 году) безъ всякаго систематическаго плана и только пограбили ее. Но добыча оказалась такъ богата, а успѣхъ такъ заманчивъ, что вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ второй походъ, уже болѣе серьезный, и въ результатъ его—несмѣтныя сокровища, драгоценное оружіе и одежды (2), которые возбуждали удивленіе простыхъ обитателей Аравійской пустыни. Однако, г. Бухара и въ этотъ разъ не былъ взятъ мусульманами; они потерпѣли при немъ, кажется, даже неудачу. Миръ былъ заключенъ съ миліонной денежной данью. Но это, разумѣется, не помѣшало арабамъ ограбить все, что лежало на обратномъ ихъ пути, а черезъ два года вновь явиться за добычей во имя пророка. Царица, видя страну свою истощенной предъидущими войнами и желая избѣжать кровопролитія, заключила миръ и сдала г. Бухару; арабы, однако, потребовали знатныхъ заложниковъ и, утвердившись здѣсь, продолжили свой грабительскій походъ до Самарканда. Возвратившись же въ Медину, они соблазнились оружіемъ и драгоценностями своихъ заложниковъ и ограбили ихъ до-гола. Гордые вельможи не перенесли этого позорнаго дѣла, бросились на побѣдителя (Саида) въ его же дворцѣ, убили его, а затѣмъ и себя самихъ. Тутъ Бухара возстала противъ арабскаго владычества, призвавъ къ себѣ на помощь большія силы сосѣдей, турокъ (до 120,000). Но союзники были разбиты, Бухара досталась въ руки побѣдителей, а добыча была такъ велика, что на долю каждаго воина досталось 10,000 диремъ. Миръ былъ предписанъ покореннымъ. Но этимъ не кончились бѣдствія разоренной страны: арабы явились въ пятый разъ подъ предводительствомъ

(1) Они же и мифическаго Афросіаба, о которомъ упомянуто выше, не могли себѣ представить иначе, какъ туркомъ. (*В. В. Григорьевъ*. «Караханиды», стр. 20).

(2) Сохранилось описаніе сапогъ царицы бухарской, осыпанныхъ драгоценными камнями, которые стоили 20,000 диремъ. Это кстати указываетъ, какая допускалась роскошь и какъ богата была страна.

Кутейбе (въ 705 году), полководца, который своей энергіей, искусствомъ и способностями сумѣлъ не только побѣдить хорошо организованное сопротивленіе и неоднократныя частныя возстанія, но погасилъ послѣдніе очаги древней персидской цивилизациа въ ея бывшей колыбели и насадилъ ученіе арабскаго пророка до самыхъ восточныхъ долинъ Тянь-шаня. Систематически и неуклонно онъ завоевывалъ всѣ страны, занятыя осѣдлыми иранцами, и дошелъ черезъ Фергану (въ 711 году) до Кашгара, Хотана и Турфана. Все это, само собой, сопровождалось грабежемъ, причемъ турецкіе князья и жители частью какъ сограждане, частью какъ союзники побѣжденныхъ, раздѣляли общую участь съ иранцами. Какова была добыча, можно судить, напр., по тому, что по взятіи Байкенда, одного изъ важнѣйшихъ городовъ, изъ одного капища были взяты идолы массивнаго золота, вѣсомъ въ 40,000 драхмъ, а у одного изъ нихъ глазами служили двѣ жемчужины, величиною съ голубиное яйцо, по поводу которыхъ выразилъ удивленіе даже самъ калифъ, получившій ихъ въ подарокъ. Наконецъ, вслѣдствіе возникшихъ неблагопріятныхъ отношеній Кутейбе къ калифату, у этого талантливаго завоевателя возникла, кажется, мысль основать независимое государство, но онъ ошибся въ своей арміи и погибъ отъ руки заговорщиковъ⁽¹⁾.

Изъ этого очерка завоеваній арабовъ видно, что они въ началѣ обращали вниманіе прежде всего на грабежъ богатой страны; посламъ же, насильно навязанный культурнымъ обитателямъ страны, съ большимъ трудомъ водворялся между ними: г. Бухара, три раза обращенный вмѣстѣ съ князьями своими въ исламъ, каждый разъ въ тайнѣ, или явно возвращался къ своей національной религіи и только въ четвертый разъ Кутейбе сумѣлъ укоренить его въ этомъ городѣ навсегда. Для этого приняты были, напр., слѣдующія мѣры: каждый бухарець уступалъ половину своего дома арабу, который наблюдалъ за поведеніемъ прозелитовъ, училъ ихъ обрядамъ ислама и доносилъ, въ случаяхъ надобности, по начальству; усердіе къ новой вѣрѣ награждалось деньгами; даже коранъ, чтобы быть понятнымъ, читался въ началѣ публично на Ригистанѣ по персидски, а не по арабски. Вообще же внутренняя борьба съ исламомъ была продолжительна и чрезвычайно упорна⁽²⁾.

(1) О водвореніи ислама въ Мавераннегръ заимствовано у Г. Вамбери «Исторія Бухары» и проч., т. I, стр. 21—37.

(2) Въ Бухарѣ до сихъ поръ существуетъ подземная мечеть, павываемая Масджиди-Моганъ (мечеть огнепоклонниковъ); приверженцы этого культа, для служенія ему, долго собирались въ потаенныхъ мѣстахъ или въ ночной тишинѣ.

Все, что было завоевано Кутейбе и предыдущими арабскими отрядами за Оксомъ, въ томъ числѣ и Бухара, составило часть Хорасанской провинціи съ намѣстникомъ калифа во главѣ, имѣвшимъ резиденцію въ Мервѣ. Правители же, назначавшіеся въ Бухару и Самаркандъ, были не болѣе какъ слуги хорасанскаго намѣстника. При послѣдующихъ за Кутейбе намѣстникахъ странѣ этой не пришлось, однако, пользоваться благами мира еще въ продолженіи болѣе 150 лѣтъ. Этотъ періодъ полонъ замѣшательствъ, возмущеній, борьбы честолюбцевъ, внутреннихъ партій, набѣговъ извнѣ и проч. Съ одной стороны, безграничное любостязаніе, то для собственнаго обогащенія, то для упроченія за собой богатыми дарами расположенія при дворцѣ калифа, доставляло въ короткое время намѣстникамъ калифа и его слугамъ въ Трансоксаніи колоссальныя богатства (1), а значительное удаленіе отъ центра скоро пробудило въ нихъ стремленіе и попытки къ приобрѣтенію полной независимости. Съ другой стороны, воинственные турки во все это время по прежнему то же не покладали рукъ, легко переходя въ качествѣ добровольныхъ наемниковъ, слѣдовательно и грабителей, то на ту, то на другую сторону; они въ началѣ доставляли особенно много хлопотъ, потерь и огорченій хорасанскимъ намѣстникамъ. Въ третьихъ, наконецъ, подавленная народность, иранцы, въ лицѣ своихъ безпокойныхъ элементовъ, поднимала иногда голову и пробовала ниспровергнуть иго арабовъ, то подъ видомъ возмущенія, вспыхнувшаго въ Бухарѣ въ пользу шиитской секты съ Шерикомъ во главѣ, то въ видѣ поддержки туманнаго ученія Моканны, доставивъ этой странной личности такія силы, которыя чуть не разрушили всего зданія ислама въ Трансоксаніи. Всякій преслѣдовалъ свои цѣли на этой интересующей насъ аренѣ, но никому не было дѣла до того, что всѣ эти спекуляціи жестоко отражались на ничѣмъ неповинной странѣ и ея мирномъ, трудолюбивомъ населеніи.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока правителями городовъ Мавераннегра калифъ не назначилъ (въ 820 г. по Р. Х.) *саманидовъ* (2). Они остались правителями же при смѣнѣ хорасанскихъ намѣстниковъ, причемъ въ слѣдующемъ поколѣніи ихъ власть сосредоточи-

(1) Напр., бунтовщики, ограбившіе домъ самаркандскаго правителя во время повстанія Рафига, нашли въ немъ до 3 миліоновъ драхмъ.

(2) Саманъ производилъ свой родъ отъ персидскаго полководца, сасанида Беграма Чубина, принявъ пеламъ добровольно въ благодарность за услугу арабовъ. Потомки также оставались преданы арабамъ съ непоколебимой вѣрностью. Г. Вамбери; т. I, стр. 60 и В. А. Тизенгаузенъ „(1) саманидскихъ монетахъ“, стр. 20).

лась въ рукахъ способнѣйшаго и лучшаго представителя этой фамилии— *Измаила*. Онъ снискалъ такое довѣріе калифа (Мутадеда), что послѣдній ввѣрилъ ему управленіе не только Мавераннегромъ и Хорасаномъ, но и Мазандераномъ и городами Реемъ и Исфаганомъ⁽¹⁾. Вскорѣ Измаиль присоединилъ еще Табаристанъ и Джорджанъ, а затѣмъ, при содѣйствіи Багдада, гдѣ дѣлалъ воззванія ко всѣмъ правовѣрнымъ, онъ отразилъ нападенія турокъ съ сѣвера и занялъ часть ихъ областей. Такимъ образомъ, владѣнія Измаила простирались отъ юго-западныхъ береговъ Каспійскаго моря до р. Сейхуна или Сыръ-Дарьи, а на югъ до Персидскаго залива и границъ Индіи. Хотя главенство калифа признавалось всѣми явно и неоспоримо, но власть его стала уже только номинальной признаваемой лишь добровольно. Государство же имѣло всѣ признаки самостоятельности. Резиденціей своей эмиръ Измаиль избралъ г. Бухару. Иранецъ по происхожденію, онъ первый соединилъ въ одно государство иранцевъ Запада и Востока, которое оказалось съ болѣе прочными основами, чѣмъ царство арабовъ, державшееся только кровью религіозныхъ войнъ. Исламъ не совершенно еще подавилъ національное чувство иранскаго народа: арабскихъ чиновниковъ калифа такъ же ненавидѣли, какъ любили и поддерживали туземныхъ сановниковъ. Арабы съ того времени ступиваются постепенно на нѣтъ. Городъ Бухара, бывшее «мѣсто-пробываніе наукъ» еще во времена парсизма, удержалъ свою прежнюю знаменитость и сталъ центромъ духовныхъ стремленій того времени: кое-гдѣ тлѣвшія слабыя искры старой иранской культуры были раздуты саманидами въ благотворное пламя, хотя окраска и направленіе были уже строго въ духъ ислама.

Национальныя стремленія выразились въ возрожденіи иранскаго языка, который преслѣдовался арабскими правителями болѣе 200 лѣтъ. Языкъ того времени отличается строгимъ туризмомъ, составляющимъ главную красоту твореній Рудеки и Фирдоуси.

Измаиль (обыкновенно называемый— Эмиръ Измаиль) есть единственный великій государь иранскаго происхожденія; онъ обладалъ еще рѣдкими нравственными качествами, а потому имя его и теперѣ почитается бухарскими таджиками наравнѣ съ именами святыхъ.

Къ его времени относится перестройка кремля съ возвышеніемъ холма, на которомъ онъ расположенъ⁽²⁾, расширеніе и укрѣпленіе

(1) В. А. *Тизенгаузенъ* *ibid.*, стр. 21, 22 и даѣе.

(2) В. В. *Григорьевъ*. «Записки Мирзы Шемса» и проч., стр. 55.

городской стѣны ⁽¹⁾, а также улучшение системы орошенія и обдѣлка каналовъ камнемъ.

По смерти Измаила (въ 908 г.) калифъ (Муктефи) не только не принялъ мѣръ къ ослабленію явно возрастающаго могущества саманидовъ, но самъ утвердилъ за сыномъ Измаила всѣ области, находившіяся подъ властью отца его. Династія саманидовъ продержалась въ Мавераннегрѣ около 150 лѣтъ; послѣ Измаила она рѣшительно клонится къ паденію.

Отмѣтимъ здѣсь, что Бухара, Самаркандъ и Балхъ, будучи подъ властью саманидовъ, начали служить убѣжищемъ для строгихъ ревнителѣй вѣры и въ отношеніи богословія и правовѣдѣнія оспаривали даже авторитетъ Мекки и Медины. Тогда же создано было то государственное первенство, которое Бухара имѣла надъ народами Средней Азій во всѣ времена, и которое могло быть сохранено государями на Зеравшанѣ даже до новѣйшаго времени.

Дальнѣйшая судьба этой страны представляетъ въ общемъ повтореніе того же, что было до Измаила, а именно: всегда служить театромъ политической борьбы иноплеменниковъ, сопутствуемой грабежемъ и жестокимъ эксплуатированіемъ народа.

Выше мы сказали, что въ этой странѣ давно обозначились два главныхъ національныхъ элемента: *уранцы*, аборигены, мало измѣнили свои культурныя стремленія и характеръ съ принятіемъ ислама: они всегда были преданы земледѣлію, торговлѣ, наукамъ и вообще мирнымъ занятіямъ. Военное же дѣло составляло достоинство и привилегію воинственныхъ пришельцевъ — *турокъ*: они составляли всегда главную силу армій, часто занимали высокія должности и, наконецъ, постепенно сами выступили главными политическими дѣятелями. Таковы же были и другіе турки или тюрки, монгольскіе соплеменники ихъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ; разрастаясь вслѣдствіе благопріятныхъ условій на своихъ родныхъ мѣстахъ, они не вступали въ культурную борьбу съ природой; какъ кочевники и лѣнтяя въ общепринятомъ смыслѣ, они даже презирали такой трудъ, но за то, какъ кочевники, легко подымались со своихъ мѣстъ и пускались въ политическую борьбу, на путь завоеваній и грабежей; для этого приходилось подвигаться на западъ и югъ. Такія волны съ большими и меньшими промежутками и слѣдуютъ съ сѣ-

⁽¹⁾ Первая городская стѣна построена въ 830 г. по Р. Х., вслѣдствіе частыхъ вторженій и грабежей турокъ. Большая исправленія до Измаила были сдѣланы въ 849 году. (*Г. Вамбери*, тамъ же, стр. 78).

вера и сѣверо-востока одна за другой на благодатную страну, въ бассейнѣ Зеравшана.

И вотъ вся дальнѣйшая судьба этой страны,—Мавераннегра— вслѣдствіе ея несчастнаго географическаго положенія, заключается въ томъ, чтобы служить театромъ не столько культурной, сколько грубой политической борьбы: налетаетъ съ сѣвера или востока потокъ «суровыхъ воиновъ или дѣтей пустыни», какъ называется ихъ г. Вамбери, прежде всего грабитъ и сметааетъ все, что попадается на пути, затѣмъ производитъ переворотъ, сообразный съ количествомъ и качествомъ своихъ силъ и въ политической же борьбѣ отдѣльныхъ личностей, предводителей своихъ, осѣдаетъ. Само собой понятно, сколько силъ тратилось на то, чтобы кочевника заставить осѣсть и что должна вынести страна и народъ прежде, чѣмъ побѣдитель не сроднится съ ними. Затѣмъ при счастіи и способности правителей и государей начинается мирная работа и если только власть тверда и надежна, то въ короткое время благодатная страна воскресаетъ и результаты культурной дѣятельности являются поразительные. Этимъ короткимъ годамъ Средняя Азія обязана всей своей славой. Но вотъ съ сѣвера слѣдуетъ уже на то же мѣсто новая волна, грабитъ и разрушаетъ накопленія предъидущихъ родовъ и т. д., и т. д., до тѣхъ поръ, пока запасъ «суровыхъ воиновъ» въ *officina gentium* ⁽¹⁾ не сталъ понемногу истощаться. Тогда, казалось, настало время свободному развитію и благоденствію страны..., но къ тому времени, увы, стало уже не хватать жизнотворныхъ соковъ и у самаго ислама, служившаго важнѣйшимъ ассимилирующимъ факторомъ и съ высоты престола народу провозглашенъ былъ тезисъ: «всѣ земныя цѣли ничтожны» и отъ самаго государственнаго организма стало отзывать трупомъ.

Послѣднимъ актомъ является нашествіе съ сѣвера людей Бѣлаго царя (Акъ-падшаха). Какое знамя несутъ эти послѣдніе, можетъ быть, видно будетъ изъ послѣдующаго.

Подтвердимъ сказанное краткимъ изложеніемъ событій.

Въ концѣ X вѣка съ востока черезъ Фергану явился народъ турко-монгольскаго происхожденія и, послѣ шести кровавыхъ вторженій въ государство саманидовъ, утвердился на Зеравшанѣ и далъ свою династію *караханидовъ* ⁽²⁾. Этимъ послѣднимъ не удалось рас-

⁽¹⁾ Кладовая пародовъ.

⁽²⁾ По имени перваго государя, которому приписывается припятіе ислама (В. В. Григорьевъ. «Караханиды», стр. 6). Коренныя владѣнія караханидовъ были по ту сторону Тянь-шаня въ нынѣшнихъ китайскихъ предѣлахъ; Мавераннегръ

пространить своего господства далеко на югъ и востокъ: съ юга имъ данъ былъ отпоръ могуществомъ газневидовъ, съ сѣверо-запада харезмскими правителями (нынѣшняя Хива), наконецъ, на юго-западѣ утвердились и выступили на сцену сельджуки; не удалось караханидамъ поэтому сдѣлать здѣсь ничего великаго въ политическомъ смыслѣ. Однако, у исторіографовъ описываются съ уваженіемъ и похвалой правленія нѣсколькихъ хановъ этой династіи, а гробница одного изъ нихъ (Шемсъ-Эль-Мулькъ-Насра) и теперь посѣщается съ благоговѣніемъ.

За караханидами въ качествѣ политической волны съ сѣвера слѣдуютъ *сельджуки*, тоже «суровые дѣти пустыни» и турецкаго происхожденія. Но имъ не удалось осѣсть въ Мавераннегрѣ: попавши, какъ въ тиски, между караханидами и харезмомъ, они проскользнули между ними, и въ своемъ стремленіи на югъ и западъ принуждены были миновать на этотъ разъ долину Зеравшана и утвердились къ западу отъ Мерва (нынѣшній Ахаль). Сельджукамъ, благодаря генію и долговѣчности трехъ своихъ правителей сряду, скоро удалось распространить свои владѣнія и могущество до береговъ Средиземнаго моря и играть важную роль въ исторіи Европы (первыя побѣды турокъ надъ Византіей, позже войны съ крестоносцами). Въ то же время караханиды ослабѣли на столько, что и Мавераннегръ подпалъ подъ протекторатъ сельджуковъ ⁽¹⁾; они сдѣлали хаповъ (все же караханидовъ), смѣняли ихъ и чувствовали себя поэтому обязанными и защищать ихъ, когда на Мавераннегръ налетѣлъ съ сѣверо-востока новый потокъ. Въ 1137 г. «изъ Чина съ несмѣтной ратью» сдѣлалъ вторженіе Гурханъ ⁽²⁾, занялъ Фергану, затѣмъ Самаркандъ, а въ 1141 г. произошло кровопролитное столкновение: войска Санджара (славнаго, но послѣдняго сельджукида Средней Азіи), никогда до сихъ поръ не подвергавшіяся пораженію, были разбиты на голову: 30,000 сельджуковъ легло на мѣстѣ и новая турецко-монгольская рать нахлынула на Мавераннегръ. Главенство Гурхана призналъ и Харезмъ (нынѣшнее Хивин-

же былъ для нихъ провинціей. (Тамъ же, стр. 7 и 41). Въ изложеніи исторіи «Караханидовъ» мы слѣдуемъ В. В. Григорьеву, отъ котораго принимаемъ и названіе этой династіи. Народъ, приведенный ею, были турки-харлухи, а не уйгуры, какъ то принимается ипогymi.

(1) «Караханиды», стр. 14.

(2) По *О. Такинфу*—Юлюй-даши, у *М. И. Иванкина*—Елю-Тайши, считается основателемъ Каракитайской имперіи. *А. И. Махшеевъ* и другіе (см. его источники) называютъ народъ, предводительствованный Гурханомъ, каракидаями, монгольскаго племени.

ское ханство), бывший въ то время уже довольно сильнымъ государствомъ. Однако, побѣдители, покоривъ почти весь нынѣшній Туркестанъ, оставили въ немъ старыхъ правителей (на Зеравшанѣ—караханидовъ), обусловили уплату себѣ опредѣленной необременительной дани и сами болѣею частью ушли въ мѣста коренныхъ своихъ владѣній, за Тянь-шань.

Государи Херазма сначала исправно платили дань, въ тоже время «собирали» земли и постепенно усиливались. Наконецъ, честолюбивый Харезмъ-Шахъ, султанъ Мухаммедъ Кутебѣдинъ, распространившій свои владѣнія до границъ Индіи и на всю нынѣшнюю Персію, прекратилъ уплату дани, занялъ Бухару и Самаркандъ (1), разбилъ войска Гурхана и образовалъ независимое и громадное государство, хотя и очень разноплеменное. Счастіе ему пока благопріятствовало, потому что Гурханъ (90-ти-лѣтній старецъ) не могъ уже въ то время усмирить своего вассала; кровопролитное возстаніе въ коренныхъ его владѣніяхъ (съ немусульманиномъ, Гушлукъ-ханомъ, во главѣ) скоро затѣмъ привело и его самага къ потерѣ престола (2).

Оставшись, казалось, безъ достойныхъ соперниковъ, султанъ Мухаммедъ, Харезмъ-Шахъ, уже не полагалъ предѣловъ своему высокоумію: собирався смѣнить халифа въ Багдадѣ, умертвилъ ни за что нѣсколько сотъ челоувѣкъ, составлявшихъ монгольскій купеческій караванъ, и наконецъ, казнилъ посла Чингизханова. Тутъ послѣдовалъ новый потокъ съ сѣвера и востока, равнаго которому еще не было и не будетъ въ нашемъ повѣствованіи. Тѣмъ ужаснѣе было паденіе Мухаммеда: счастливый и могущественный государь до 1219 года, онъ умеръ два года спустя въ нищетѣ, оставленный всѣми, скрываясь на маленькомъ островѣ Каспійскаго моря.

Культурная жизнь Средней Азіи во времена харезмскаго владычества стояла на высокомъ уровнѣ: «съ Бухарой и Самаркандомъ вели борьбу благороднаго соревнованія на почвѣ культуры, наукъ, торговли и проч.» Ургенчъ, Нишабуръ, Мервъ и др. (3).

Мы не будемъ подробно описывать нашествія монголовъ, для

(1) Послѣдній караханидъ, Осмапъ Ханъ, женатый на дочери Харезмъ-Шаха, возсталъ потомъ противъ него и произвелъ избиеніе харезмійцевъ въ Самаркандѣ, за что и былъ казненъ. «Караханиды», стр. 18.

(2) Замѣтимъ кстати, ссылаясь вмѣстѣ съ *М. И. Невоинымъ* (стр. 56) на d'Obson'a (Т. I, р. 172, 174, 207, 208), что въ Каракитайской имперіи процвѣтали тогда торговля, земледѣліе и механическія искусства.

(3) Передъ самымъ нашествіемъ Харезмъ посвѣтилъ и восторженно описалъ арабскій путешественникъ Якутъ. (*А. И. Махисевъ*, стр. 15).

нашихъ цѣлей достаточно сказать, что это былъ потокъ лавы, несшій гибель и разрушеніе всему, что лежало на его пути; а въ началѣ этого то пути лежали благодатныя страны по Сыру, Аму и Зеравшану: онѣ должны были выдержать первый напоръ новыхъ «суровыхъ воиновъ степей» и своимъ цвѣтущимъ состояніемъ впервые утолить жажду ихъ къ хищничеству и разрушенію. Если у этого, неизвѣстнаго до сихъ поръ, народа хватило силъ пройти и завоевать въ продолженіи какихъ нибудь 20—30 лѣтъ страны отъ Японскаго и Китайскаго моря до Адриатическаго, то каково было выносить тяжесть первыхъ ударовъ!

Городъ Бухара, оказавшій геройское сопротивленіе, обратился въ груды развалинъ и труповъ. Одному бѣглецу приписывается слѣдующій, прославившійся въ стихахъ, лаконическій отвѣтъ: «они пришли, разрушили, сожгли, умертвили, ограбили и ушли» (1).

Послѣ монгольскаго погрома духовная жизнь въ Средней Азіи погасла. «Главной причиной этого несчастія, говоритъ Вамбери, естественно, было то обстоятельство, что монголы истребленіемъ первобытнаго иранскаго населенія въ городахъ, или уводомъ его большими массами, уменьшили число собственно главныхъ представителей культуры и мирной жизни въ той мѣрѣ, въ какой взяли перевѣсъ турецкіе элементы, враждебные просвѣщенію...» Въ другомъ мѣстѣ: «Трансоксіана въ продолженіе владычества чингизидовъ, представляетъ ужасную картину жертвы, истекающей кровью. Дикое безначаліе, разнузданное своеволие грубыхъ тирановъ, убійства и опустошенія смѣняются другъ друга...»

Городъ Бухара за это время раза четыре подвергался разграбленію, разрушенію и избіеніямъ.

Отмѣтимъ одну характерную черту изъ культурной жизни этой эпохи; принципъ полной вѣротерпимости, отличавшій всегда монголовъ, и уваженіе къ духовному сану доставили и мусульманскому духовенству извѣстную защиту и неприкосновенность. Такъ какъ духовнаго сана въ строгомъ смыслѣ у мусульманъ не существуетъ, то подъ это поднятіе подведены были, т. е. стали считаться духовными лицами, всѣ, имѣющіе какое нибудь касательство къ религій, т. е. судьи, ученые, всякіе книжники, каждый мулла—наемный исполнитель требъ. Но всѣ они, пользуясь сравнительной неприкосновенностью, доставляли многимъ убѣжище и защиту, а потому получили въ это время большое значеніе, а когда и сами

(1) Г. Вамбери, тамъ же, стр. 144.

чагатаиды, коимъ досталась въ наслѣдіе Средняя Азія, приняли исламъ, то принцпигъ этотъ получилъ еще большее развитіе—до уродливости: ревнители вѣры пріобрѣтали иной разъ вліяніе, ни чѣмъ неограниченное; случалось, что сами владѣтельные потомки Чингизъ-хана въ мечети, въ присутствіи народа, выслушивали въ проповѣди выговоръ отъ фанатическаго муллы и съ раскаяніемъ просили прощенія.

Чагатаиды, видимо, питали отвращеніе къ остаткамъ и признакамъ древне-иранской культуры и жили охотнѣе на крайнемъ сѣверѣ или востокѣ наслѣдственной земли. Правителями же, намѣстниками и уполномоченными ихъ въ Мавераннегрѣ оставались обыкновенно турки, которыхъ они частью привели съ собой, какъ помощниковъ и союзниковъ, частью же здѣсь застали, болѣе или менѣе ассимилировавшимися съ прежнимъ мѣстнымъ элементомъ. Вновь пришедшіе нашли въ ранѣе утвердившихся соплеменникахъ отличную почву для упроченія своей популярности и вліянія, — вторые нашли въ завоевателяхъ удобный путь для возвышенія изъ покоренныхъ въ «господствующую расу». Естественно поэтому, что возставшими и свергнувшими владычество монголовъ являются турки. Отъ нихъ и народу можно было ожидать больше, чѣмъ отъ «варваровъ» монголовъ, ибо большая часть ихъ, ассимилированная, уже усвоила себѣ культурныя стремленія недавняго прошедшаго.

Эффектнымъ выразителемъ турецкихъ стремленій и даже олицетвореніемъ всей этой эпохи является столь прославленный *Тимуръ* (1363—1405 гг.). Мы опять не будемъ подробно останавливаться на завоеваніяхъ, побѣдахъ и военной славѣ Тимура. Замѣтимъ лишь, что много пришлось вынести Мавераннегру въ началѣ его бурной карьеры; но за то этому краю было возвращено сторицей потомъ, когда армія его много разъ возвращалась изъ счастливыхъ всегда походовъ, обремененная добычей и богатствами, такъ или иначе остававшимися въ странѣ. Личность Тимура необыкновенно выдающаяся: онъ былъ ревностнѣйшимъ мусульманиномъ и объявилъ себя таковымъ въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности, но это доказываетъ лишь, что онъ отлично понималъ свое время: принимая во вниманіе вышесказанное о вліяніи и значеніи въ народѣ въ то время духовенства, становится яснымъ, почему Тимуръ такъ скоро пріобрѣлъ не только сторонниковъ, но и популярность. Однако, несмотря на свое постоянное и примѣрное усердіе къ исламу, онъ былъ большой почитатель чингизоваго кодекса — «Яса» или

«Язау», какъ болѣе приспособленнаго къ социальнымъ и политическимъ отношеніямъ турецкихъ народовъ, чѣмъ учрежденія въ чисто семитическомъ духѣ, возникшія изъ корана и сунны; въ военной же организаціи онъ строго слѣдовалъ законоположеніямъ Чингизь-хана, за что заслужилъ даже несправедливый упрекъ, что «Яса» цѣнить выше корана. На знаменитыхъ празднествахъ и пирахъ тимуровыхъ послѣ ѣды слѣдовали грандіозныя попойки, на которыхъ всему прочему предпочиталось *вино*.

Самъ Тамерланъ слѣдовалъ обычаю, чисто монгольскому—носить большія и дорогія серьги, а голову покрывалъ всегда не тюрбаномъ, а длинной конической войлочной шляпой съ драгоценными камнями на верхушкѣ (1).

Турецкая натура Тимура очень рельефно сказывается въ томъ предпочтеніи, какое онъ оказывалъ жизни въ палаткахъ, въ лагерѣ, передъ дворцовой; у него и дворца то настоящаго своего, кажется, не было, а если приходилось жить, то, вѣроятно, въ чужихъ, занятыхъ. За то дошедшія до насъ подробныя описанія лагеря на Канигульской равнинѣ въ окрестностяхъ Самарканда, празднествъ въ немъ, роскоши, красоты, величины и количества шатровъ и палатокъ (или юртъ) представляютъ намъ настоящія чудеса. Присовокупимъ къ этому еще одну историческую справку: въ лагерѣ Тамерлана у г. Дели (въ Индіи) набралось болѣе 100,000 плѣнныхъ индійцевъ, хотя, разумѣется, ихъ не копили; такое количество крайне стѣсняло свободу арміи. Къ тому же Тамерлану донесено было, что, когда индійскія войска со слонами во главѣ вышли для сраженія изъ г. Дели, то на лицахъ плѣнныхъ изобразилась радость. Это невольное выраженіе надежды на освобожденіе было сочтено преступленіемъ и послужило причиной гибели плѣнныхъ: Тамерланъ приказалъ всѣхъ ихъ умертвить, что и было исполнено немедленно и въ точности (2). Такое отношеніе къ человѣческой жизни не въ духѣ арійцевъ, но между ними не явилось еще и такого всемірнаго завоевателя, какъ Чингизъ или Тимуръ. Въ описанномъ дѣлѣ Тимуру помогло, вѣроятно, еще и то, что эти 100,000 человѣкъ были невѣрные—идолопоклонники и гебры.

Что касается вліянія Тимура на культурную жизнь того времени, то ему приписывается поднятіе турецкой народности изъ воинствующей по преимуществу на степень культурной; онъ далъ

(1) Г. Вамбери, тамъ же, 218—226 стр.

(2) М. И. Ивановъ. «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ» и проч., стр. 211.

будто начало духовному и научному стремленіямъ въ турецкомъ національномъ направленіи и, олицетворяя собою побѣду турокъ надъ монголо-китайскимъ міромъ, выдвинулъ на первый планъ турецкую народность, чего не сдѣлали ни сельджуки, ни харезмцы, хотя и турки по происхожденію, но всегдашніе поклонники ирано-исламской культуры. Официальнымъ языкомъ страны со времени Тимура сталъ турецкій; письма были удержаны монголо-югурскія, ненавидимыя фанатическими мусульманами, какъ остатокъ буддистскаго невѣрія (¹).

Торговля сношенія приобрѣли полную безопасность вездѣ, куда только доходила тѣнь Тимурова владычества. Лучшія тому доказательства представляетъ испанское посольство, спокойно путешествовавшее отъ Трапезунда до Самарканда, почти безъ конвоя, большимъ караваномъ, навьюченнымъ драгоценностями запада (²). Глава этого посольства, христіанскій рыцарь, испанскій гидальго, донъ Рюи Гонзалецъ де-Клавихо, заслуживающій полнѣйшаго довѣрія въ своихъ описаніяхъ, говоритъ о пышности и богатствѣ тимурова двора такія вещи, которыя кажутся по истинѣ маловѣроятными (³). Но, разумѣется, все это было награблено или «взято въ открытомъ бою» отъ другихъ людей. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что сдѣлано было многое для культуры, наконецъ, и турками, если не при самомъ Тимурѣ, то при его пріемникахъ. Хотя эти послѣдніе удержали свои наслѣдственныя владѣнія меньше, чѣмъ одно столѣтіе и хотя раздоры и борьба за престолонаслѣдіе, начиная со смерти Тимура, не прекращались все время, но государство, основанное Тимуромъ, по организациіи своей было сильно, популярно и возбуждало къ себѣ довѣріе; если не власть, то обаяніе личности великаго покойника было еще твердо и надежно: страна воскресла, разбогатѣла и продолжала развиваться съ полнымъ блескомъ даже по распаденіи его громаднаго государства, избравъ себѣ нѣсколько духовныхъ центровъ (Герать, Мервь, Бухара, Самаркандъ) въ зависмости отъ средоточія политической власти.

Между тимуридами, несмотря на ихъ жестокость во взаимной враждѣ, было нѣсколько человекъ, отличавшихся блестящими дарованіями и благородствомъ души (⁴), по наибольшаго вниманія

(¹) *Г. Вямбери*, тамъ же, стр. 234.

(²) «Иранъ» *К. Риттера*. Перев. и допозв. *Н. В. Ханьковъ*. Спб. 1874 г., стр. 580—625.

(³) *Г. Вямбери*, тамъ же, стр. 221—232.

(⁴) Французскій ученый *М. Белезъ* замѣчаетъ по этому поводу: «удивительно, о чему любовь къ литературѣ (*des lettres*) не оказывала благотворнаго вліянія

заслуживаетъ *Улуг-бегъ*, сынъ достойнаго отца — Шахъ-руха-Мирзы. Хотя онъ былъ принуждаемъ вести постоянныя войны противъ новыхъ набѣговъ турокъ же съ сѣвера и востока и противъ родственныхъ претендентовъ, но слава его заключается въ высококомъ подъемѣ науки и образованія, обязанныхъ своимъ процвѣтаніемъ его покровительству и личному участию: работы его обсерватори стали достояніемъ Европейской науки только въ XVII вѣкѣ, но отъ этого не потеряли ничего въ своей цѣнности. Стоитъ себѣ представить, отъ какихъ отраслей знаній и техники зависятъ удовлетворительныя астрономическія работы, чтобы сдѣлать правильное заключеніе о степени состоянія культуры и механическихъ производствъ въ странѣ. Онъ былъ казнень (въ 1449 г.) своимъ роднымъ сыномъ.

Турецкіе принцы, тимуриды, не только оказывали щедрую поддержку представителямъ литературы и искусства, но очень многіе изъ нихъ и сами становились въ ихъ ряды и не стыдились занимать второстепенное мѣсто; длинный списокъ ихъ можетъ быть увѣнчанъ Баберомъ Мирзою, знаменитымъ основателемъ «династіи Могола» въ Индіи, мемуары котораго заслужили названіе комментаріевъ Цезаря Востока.

Духовныя стремленія этого вѣка, слѣдуя первоначальному толчку, усиленному затѣмъ ревнительствомъ самаго Тимура, къ сожалѣнію, получили нѣкоторую наклонность къ богословскимъ умозрѣніямъ и мистицизму, что въ будущемъ и развилось въ лицемѣрное ханжество и религиозное изуверство.

Эпоха тимуридовъ славилась также процвѣтаніемъ искусствъ; въ это время возведены многія тысячи различныхъ общественныхъ построекъ, коллегій, караванъ-сараявъ, мостовъ, мечетей, больницъ, читаленъ и проч. Замѣтимъ здѣсь кстати, что, по свидѣтельству Бабера, Бухара еще въ эпоху Тимура была знаменитѣйшею школою живописи на мусульманскомъ востокѣ, а лучшія зданія всюду украшались скульптурными изваяніями и картинами альфреско, па которыхъ были не только арабески или неодушевленные предметы, но изображенія и портреты знаменитыхъ князей, воиновъ, даже святыхъ и проч. (1). 200—300 лѣтъ спустя и до нынѣ, въ той же Бухарѣ, мусульманинъ, изображающій людей и животныхъ, подвергъ бы свою жизнь опасности.

Тимуриды въ своихъ постоянныхъ братоубійственныхъ войнахъ

на грубость и животную жестокость этихъ принцевъ, которые находились подъ влияніемъ известнаго рода религиозной философіи».

(1) Г. *Вамбери*, тамъ же, стр. 272 и 273.

не разъ находили убѣжище къ сѣверу за Яксартомъ (Сырѣ-Дарьей); оттуда же, изъ этой «запасной кладовой воинственныхъ элементовъ», они приводили себѣ помощь и союзниковъ, въ видѣ отрядовъ узбекскихъ наѣзтниковъ, которые служили безразлично то той, то другой сторонѣ, но всегда возвращались съ тяжелымъ грузомъ добычи. Узбеки въ числѣ другихъ отступили къ югу, тѣснимые съ сѣверо-запада успѣхами Россіи; это были тоже «суровые войны пустыни», нищіе, голодные, грубые, способные перенести всякія лишения, труды и опасности, но дѣйствовавшіе всегда въ духѣ своей народной пословицы: «если врагъ нападаетъ на палатку твоего отца, то ты пристань къ нему и грабь вмѣстѣ». Сначала узбеки были только орудіемъ, но, когда, наконецъ, у нихъ нашелся свой вождь, способный и честолюбивый, и сталъ во главѣ племени, то оно и двинулось потокомъ (новымъ) на югъ, на поприще завоеваній. Въ 1499 г. узбеки, подъ предводительствомъ *Мухаммеда Шейбани*, заняли г. Бухару, затѣмъ въ 1500 году Самаркандъ, потеряли ихъ, затѣмъ опять взяли, разграбили и разорили оба города въ конецъ и свергли, такимъ образомъ, господство тимуридовъ въ Мавераннегрѣ. Резиденціей своей Шейбани избралъ г. Бухару. Появилась въ это время съ сѣверо-востока новая небольшая волна калмыковъ и монголовъ, стремившихся слѣдомъ за узбеками и могущихъ, пожалуй, уничтожить всѣ планы честолюбиваго Мухаммеда Шейбани въ только что завоеванной странѣ. Но послѣ рѣшительнаго столкновенія онъ съумѣлъ во-время и остановить ее, и обезвредить. Въ дальнѣйшемъ движеніи узбековъ за добычей Шейбани пришлось еще выдержать ожесточенную борьбу (съ Хосру-шахомъ) на юго-востокѣ и съ правителями Харезма на сѣверо-западѣ; остался, наконецъ, на юго-западѣ послѣдній, но и самый могущественный врагъ, старикъ султанъ Гуссейнъ-Мирза (Байкара), тимуридъ, основатель цвѣтущаго государства въ Хорасанѣ; но онъ не дожился до своего паденія; сборныя же войска его наслѣдниковъ и союзниковъ были разбиты сначала на голову у Меручака (въ 1505 году), а удѣлѣвшія части были разсѣяны или уничтожены военными начальниками Шейбани вмѣстѣ съ принцами тимурова дома, коихъ погибло тогда 12 человекъ. Въ то же время узбекамъ пришлось восстанавливать порядокъ и спокойствіе въ занятыхъ уже странахъ, усмирять непокорныхъ, обезпечивать границы и пр. И однако, въ какихъ нибудь 5—8 лѣтъ Мухаммедъ Шейбани основалъ могущественную имперію, утвердилъ свою династію и мечталъ о славѣ Чингиза и Тимура. А его узбеки, бѣдные и кутавшіеся въ овчины еще передъ

взятіемъ Самарканда, были теперь завалены драгоцѣнностями и богатствомъ, награбленными въ покоренныхъ странахъ, причѣмъ алчность ихъ была впервые удовлетворена опять же Бухарой и Самаркандомъ. Шейбани не думалъ удовольствоваться достигнутымъ: управленіе различными областями поручено было имъ разнымъ заслуженнымъ воинамъ, а за собой онъ удержалъ только власть верховнаго главнокомандующаго арміей, готовясь употребить послѣднюю въ дѣло; поводъ тотчасъ же представился, но Шейбани встрѣтилъ достойнаго соперника въ лицѣ Шахъ-Измаила и погибъ, сдѣлавшись жертвой излишней самоувѣренности и пренебреженія къ противнику: онъ умеръ въ бою смертію героя въ 1510 г. съ тысячами своихъ сподвижниковъ. Нужно сказать, что Шахъ-Измаилъ, повелитель въ то время большей части Ирана и Арабистана, прославился въ особенности тѣмъ, что знаменемъ своимъ поставилъ дѣло шіитской религіозной секты, подавляемой до сихъ поръ, и возвысилъ ее на степенъ національнаго культа иранцевъ. Шіизмъ имѣлъ всегда много послѣдователей между иранцами, потому что своей сектантской ненавистью къ суннитамъ онъ удобно служилъ выраженіемъ національнаго чувства ихъ, оскорбленнаго своеволіемъ семитическихъ завоевателей ⁽¹⁾.

Окрѣпшее со времени Шахъ-Измаила внутри состояніе Ирана и усердіе къ вѣрѣ шіитовъ, преемниковъ Шаха-Измаила, образовало преграду между исламомъ востока и запада, преграду, которая потомъ никогда уже не была поборена или уничтожена, и *Средняя Азія обособилась*; а имперія Шейбани, созданная въ нѣсколько лѣтъ потокомъ полудикихъ степныхъ завоевателей, представляетъ уже послѣдній этого рода случай: новой, всеокрушающей волны съ сѣвера или съ сѣверо-востока уже не будетъ въ нашемъ очеркѣ. Было много большихъ разбойничьихъ набѣговъ: «калмыковъ, казаковъ, кипчаковъ, киргизь» и проч. ⁽²⁾, все это получало свою ленту и терзало несчастную страну между Сыромъ и Аму, но этнографическаго переворота съ того времени и до нашихъ дней не было; киргизы начали было «служить орудіемъ», но, вслѣдствіе неблагоприятныхъ для нихъ условій развитія въ родныхъ степяхъ, до «руководительства» такъ и не дозрѣли ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Наблюдалось это много разъ, начиная съ возмущенія Шерика во время арабскаго господства въ Бухарѣ.

⁽²⁾ Названія эти мы беремъ, какъ нарицательныя и общеупотребительныя, не придавая имъ этнографическаго значенія.

⁽³⁾ Для полноты мы должны, однако, отмѣтить, что русскія войска въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ при движеніи своемъ въ предѣлы бывшаго Копандскаго

Русскіе застали въ Средней Азіи положеніе, въ общемъ мало измѣнившимся съ того времени: застали узбековъ въ качествѣ «господствующей расы» и таджиковъ (иранцевъ) аборигеновъ. Съ того времени сохранилась даже и взаимная характеристика обѣихъ сторонъ; таджики издревле заклеяны были прозвищемъ трусовъ, у иранцевъ же Бухары до сихъ поръ «узбекъ» есть синонимъ грубо-сти и варварства (¹). Личность Шейбани, впрочемъ, и тогда была исключеніемъ; это былъ образованнѣйшій чело-вѣкъ своего времени, самъ писатель, покровитель и поклонникъ ученыхъ, между которыми преобладали богословы.

Династія Шейбани продержалась лишь 100 лѣтъ. Она дала еще двухъ замѣчательныхъ дѣятелей. Первый *Уббей-дуллахъ*, который, то въ качествѣ главноначальствующаго военными силами, то самостоятельно на тронѣ заправлялъ судьбами государства въ продолженіи безъ малаго 30 лѣтъ. Это былъ настоящій узбекъ: онъ съ горстью отчаянныхъ храбрецовъ и старыхъ воиновъ Шейбани разбилъ на голову большую армію Бабера (²) между Бухарой и Самаркандомъ; а затѣмъ со своими наѣздниками сдѣлалъ шесть набѣговъ на Иранъ, но цѣль то ихъ была не завоеваніе странъ, а лишь грабежъ. Наводя всюду ужасъ, онъ держалъ сосѣдей въ страхѣ и границы въ безопасности. Нужно подозрѣвать, впрочемъ, что выборъ времени для нашествій этихъ дѣлался по соглашенію съ османами, такъ какъ каждый разъ имъ предшествовало начало военныхъ дѣйствій со стороны государей Константинополя противъ возникавшаго могущества шиитовъ (³).

Вторымъ былъ *Абдулла-Ханъ*, имя котораго извѣстно и до сихъ поръ каждому простолюдину Средней Азіи и воспоминается съ уваженіемъ.

Съ самаго начала своей дѣятельности ему пришлось очищать страну отъ наводнившихъ ее съ сѣвера калмыковъ и «киргизъ» (⁴), занявшихъ было уже Бухару и Самаркандъ, т. е. начинать почти

ханства застали тамъ «дѣйствующими лицами и руководителями» именно представителей кочевниковъ, каковы: Мусульманкулъ, Алимкулъ, Автобачи и проч.

(¹) Если то и другое имѣло разумное основаніе въ то давнее время, то теперь оба эпитета излишни.

(²) Баберъ основалъ уже въ то время новое сильное мусульманское государство, прославившееся потомъ подъ названіемъ Индійской имперіи Великаго Могола. Это сраженіе (въ 1512 г.) было послѣдней его попыткой вернуть престолъ и резиденцію предковъ.

(³) Г. *Вамбергъ*, тамъ же, т. II, стр. 37.

(⁴) Они потомъ еще три раза нападали на Мавераннегръ.

все сначала, и однако, онъ успѣлъ не только возстановить старыя границы имперіи Шейбани, но и раздвинуть ихъ во всѣ стороны далѣе, чѣмъ удавалось предшественникамъ. Абдулла-ханъ также, то въ качествѣ главноначальствующаго арміей и регента, то какъ самодержавный государь, правилъ въ Мавераннегрѣ болѣе чѣмъ 40 лѣтъ, и хотя ему всю жизнь пришлось воевать и хотя слава его къ концу жизни была помрачена многими неудачами, но подвластные ему страны давно уже такъ не процвѣтали: торговля, земледѣліе и науки находили въ немъ могущественнаго и умѣлаго покровителя; при немъ возведено большое количество монументальныхъ сооружений, всѣ важнѣйшія дороги были снабжены столбами (ташъ), сообщеніе производилось совершенно безопасно и проч. Нужно удивляться, какъ Абдулла-ханъ находилъ время столько заботиться о процвѣтаніи культуры и о счастіи своихъ подданныхъ. По справедливости, онъ заслужилъ свою популярность и названіе «благодѣтеля своего народа».

Послѣ печальной кончины Абдулла-хана (въ 1598 г.) престолъ занялъ очень способный, честолюбивый, но недостойный сынъ его Абдуль-Муминъ⁽¹⁾, убитый черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заговорщиками, которымъ не трудно было достигнуть своей цѣли, въ виду общей ненависти къ Абдуль-Мумину за его кровожадность и жестокость. Съ нимъ прекратилась династія шейбанидовъ.

Въ эту эпоху (XVI вѣкъ) Средняя Азія обособилась не только территоріально, о чемъ замѣтили мы раньше, но и въ религіозномъ отношеніи. Восточно-исламскій міръ потерялъ не только непосредственную связь, но и всякую общность стремленій и интересовъ съ исламомъ запада — съ калифатомъ. Эта, такъ сказать, самостоятельность придала новыя силы упомянутому нами выше богословско-суфическому направленію, начавшемуся еще до тимуридовъ; теперь оно окрѣпло и стало приобрѣтать все большее и большее вліяніе на духовную жизнь всего народа. Государя и принцы соперничали на счетъ религіозной благонадежности и благонамѣренности, унижались передъ разными аскетами, чудотворцами, а можетъ быть и юридами. Къ этому же времени относится очень много памятниковъ зодчества, существующихъ до нынѣ, такъ какъ не являлось для нихъ разрушителей; въ зависимости отъ направленія эпохи все это — мечети, медрессы и мавзолеи надъ могилами подвижниковъ,

(1) Онъ ранѣе прославился во главѣ орды узбековъ взятіемъ Мешхеда и страшнымъ разграбленіемъ гробницы и сокровищъ Имама Рива.

Т. ССII.—Отд. I.

святыхъ, ученыхъ богослововъ и проч. (1). Направленіе это получило уже полное свое развитіе въ слѣдующую эпоху, когда Бухарскимъ ханствомъ правила династія *аштарханидовъ* (2) въ XVII и XVIII вѣкахъ. Имамы, шейхи, улемы и ученые толкователи священныхъ писаній не только получили всеобъемлющее вліяніе, но многіе изъ нихъ при жизни еще удостоивались поклоненія, приличествующаго святымъ; заболѣлъ ханъ (Баки-Мухаммедъ) въ критическую для страны минуту,—всѣ взоры обращаются къ святому шейху (Алимъ-Азизамъ) и ожидаютъ отъ него чудотворнаго исцѣленія (3); угрожаетъ непріятель—обратились за совѣтомъ къ благочестивому мужу (Ходжа-Мухаммедъ-Аминъ), и тотъ и въ самомъ дѣлѣ помогаетъ одержать побѣду нафанатизированнымъ вѣрующимъ (4).

Три государя этой династіи къ ряду, подъ конецъ своей жизни, мѣняли скипетръ на посохъ пилигрима и какъ благочестивые, примѣрные мусульмане отправлялись въ Мекку. Четвертый (Субханкули) тоже избѣгалъ браннаго поля, лучше всего чувствовалъ себя въ обществѣ богослововъ, писалъ стихи, занимался медициной и оставилъ послѣ себя подробный лечебникъ на турецкомъ языкѣ. Династія эта просуществовала почти два вѣка (1599—1796); между государями ея было нѣсколько человекъ, безъ сомнѣнія, талантливыхъ и хорошихъ; правленіе ихъ отличалось миромъ, справедливостью и, пожалуй, внѣшнимъ блескомъ. Но чего благотворнаго и живаго можно ожидать отъ эпохи, когда представители ея, призванные судьбою устраивать и направлять земную жизнь народовъ и *дѣйствовать*, поставили девизомъ своимъ, что «всѣ земныя дѣла ничтожны». Къ тому же они были люди убѣжденные въ этой истинѣ, послѣдовательные, и шли избраннымъ путемъ до возможнаго предѣла, т. е. иногда даже до абсурда, и старались, чтобы «слово сходилось съ дѣломъ». Мы это видѣли на пилигримахъ, и кстати расскажемъ слѣдующій характерный эпизодъ. Имамъ-Кули-ханъ въ

(1) Простой народъ приписываетъ большинство монументальныхъ сооружений Средней Азіи своему любимому герою, Абдулла-хану; на вопросъ, когда построено то или другое, чаще всего слѣдуетъ стереотипный, но не всегда вѣрный отвѣтъ: «при Абдулла-ханѣ» или «Абдулла-ханомъ».

(2) Или вначе, *Астраганская династія*, происходитъ отъ Джучи, сына Чингизъ-хана. Въ XV столѣтіи потомки его бѣжали въ низовья Волги; вѣдсь избраны были съ теченіемъ времени въ князья номадами этой страны; названіе династіи получила по мѣсту жительства; тѣсняемые русскими царями, князья бѣжали на берега Зеравшана, породнились съ домошъ Шейбани, а по смерти Абдуль-Муина избраны были знатно въ государи страны. Нѣкоторые называютъ эту династію «джанидами» по имени Джани-хана, отца первыхъ трехъ хановъ Бухары.

(3) *Г. Вамбери, тамъ же, т. II, стр. 73.*

(4) *Г. Вамбери, тамъ же, стр. 75.*

раздраженіи поклялся, что не остановитъ своего мщенія противъ убійць своего сына, ташкентскихъ бунтовщиковъ, пока «кровь ихъ не будетъ доходить до стремени его лошади». Когда же пришло къ дѣлу, то чтобы избавить своего благочестиваго государя отъ нарушенія клятвы, а дѣтей и стариковъ Ташкента отъ напраснаго избиенія, улемы придумали слѣдующее: была вырыта яма и въ нее спускалась кровь всѣхъ убитыхъ; когда она дошла до стремени въѣхавшаго въ нее хана, то прекращены были убійства и казни (1).

Достойно замѣчанія, что благосостояніе народа начало сильно падать именно въ это время; оно и понятно, если «всѣ земныя цѣли ничтожны». А такъ какъ жизнь шла своимъ чередомъ, т. е. нападали по прежнему съ сѣвера десятки разъ и грабили страну киргизы и казаки; дѣлали нашествія съ перемѣннымъ успѣхомъ хивинцы, возставали братья и родственники, являлись претенденты на престоль, бунтовали вассалы и проч., то приходилось или явно уклоняться отъ живаго дѣла и отвѣтственности, или соблюдать лишь форму, не заботясь о сущности. То и другое является въ полной мѣрѣ: государи или передаютъ скипетръ преемникамъ, а сами отправляются въ «хаджъ», или отличаютъ особымъ довѣріемъ кого-либо изъ своихъ вельможъ, которые занимаются всѣми земными дѣлами и творятъ судъ и расправу отъ лица хана, а сами ханы погружаются въ богомысліе и богословіе. Недостатокъ дѣйствительныхъ силъ и могущества долго и удобно покрывался блескомъ пріемовъ, торжественными церемоніями, придворнымъ этикетомъ и вообще соблюденіемъ внѣшнихъ формъ жизни. Неподдѣльный блескъ прошедшаго ослѣплялъ еще всѣхъ на столько, что Бухара пользовалась у суннито-мухаммеданскихъ князей и государей того времени (2) большимъ уваженіемъ и почетомъ: никто не замѣчалъ еще начавшагося разложенія и гнилости подъ покровомъ блестящихъ внѣшнихъ формъ. Ханы эти, съ привилегіей праздномыслія и ничегонедѣланія, разумѣется, скоро потеряли свое почетное положеніе, но формализмъ и лицемѣріе, надолго водворившіеся у престола, оказали развращающее вліяніе на строй жизни всего ханства. Соблюденіе внѣшней формы и приличій, детальная разработка ихъ и охраненіе, стало задачей всѣхъ и во всемъ—своего рода цѣлью. Никому не было дѣла, между прочимъ, и до искренности религіознаго чувства: цѣнилось лишь его проявленіе, а потому ханжество и религіозное изуверство

(1) Г. Вамбери, тамъ же, стр. 77.

(2) Ко двору Субханкули еще приходили почетныя посольства съ дорогими подарками изъ Хотана и Кашгара, изъ Крыма, изъ Индіи, изъ Константинополя и проч.

получили свободное, ничѣмъ необуздываемое распространеніе, принимались толпою, какъ примѣры, достойныя подражанія, какъ сама истина, и никто изъ лучшихъ людей той среды и времени не замѣчалъ въ этомъ лжи и тлетворности. Страна же постепенно такъ отдѣлилась пустынями, степями и полудикими врагами отъ всего прогрессирующаго міра, что новой струѣ не откуда было попасть туда и не кому было открыть глаза увлекшимся.

Именно эту эпоху мы имѣли въ виду, когда упомянули выше, что въ самомъ ученіи, въ исламѣ, составляющемъ основу и сущность государственнаго (теократическаго) устройства Бухарскаго ханства, стало въ это время не доставать жизнетворныхъ силъ и духовной пищи для лучшихъ умовъ.

Это особенно наглядно обнаружилось при первомъ и славнѣйшемъ представителѣ слѣдующей династіи *Шахъ-Мурадъ-Мангитъ*, которому нельзя отказать ни въ талантливости, ни въ энергій, ни въ добрыхъ намѣреніяхъ, но которому не удалось сдѣлать ничего прочнаго и долговѣчнаго изъ того матеріала, который предоставленъ былъ ему судьбою.

Обычай поручать защиту своихъ интересовъ и всѣ хлопоты и заботы по управленію государствомъ особо-довѣреннымъ лицамъ началъ постоянно практиковаться при послѣднихъ ханахъ Астраханской династіи, которые при этомъ естественно обратились въ манекеновъ, а управители съ титуломъ «аталыкка» или «намба» ⁽¹⁾ и съ дѣйствительной властью въ рукахъ, стали ихъ смѣщать, сажать на тронъ, при надобности умерщвлять, или позволять имъ жить, награждать матеріально и проч. Одинъ такой управитель, узбекъ изъ рода Мангитъ, породнился съ династіей аштарханидовъ. Затѣмъ уже не трудно было подготовить почву такимъ образомъ, чтобы по смерти послѣдняго аштарханида дѣйствительность освятить приличествующей внѣшней формой; и вотъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія ⁽²⁾ на престолъ Бухары вступила династія *Мангитъ* въ лицѣ Шахъ-Мурада, принявшаго по этому случаю названіе Эмиръ-Маасумъ-Гази изъ желанія придать правленію своему

(1) «Аталыкъ» значить буквально: «батька» или «дядька»; «наибъ» — намѣстникъ, помощникъ.

(2) Когда именно Шахъ-Мурадъ вступилъ юридически на престолъ, невѣдомо. Онъ долгое время, съ 1784 г., управлялъ ханствомъ, довольствуясь титуломъ намба; ханомъ же бухарскимъ номинально считался Абуль-Гази, послѣдній, кажется, аштарханидъ. Есть доказательства, что Абуль-Гази умеръ не ранѣе 1796 г., и тогда только Шахъ-Мурадъ принялъ титулъ эмира. (В. В. Григорьевъ. «Записки Мирзы-Шемсъ и пр.», стр. 42 и 43).

характеръ религіозный ⁽¹⁾. Воспоминанія объ этой личности на столько еще свѣжи въ г. Бухарѣ, и сама она на столько типична и замѣчательна, что мы остановимся на ней болѣе подробно ⁽²⁾. Кстати, полагаемъ, получить нѣкоторое освѣщеніе и та атмосфера, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Шахъ-Мурадъ.

Первая молодость Шахъ-Мурада прошла далеко не назидательно; благочестію и отшельничеству началъ предаваться онъ не ранѣе, какъ достигнувъ 25-ти-лѣтняго возраста. Вскорѣ затѣмъ умеръ отецъ его, Даніяль, объявивъ его своимъ преемникомъ; но Шахъ-Мурадъ надѣлъ дервишскую рясу, заперся въ одной изъ мечетей Бухары, и не хотѣлъ слышать ни о чемъ, чтобы мѣшало ему погружаться въ богомысліе. Онъ отказался даже отъ доли своей въ оставшихся послѣ отца богатствахъ: «никогда не соглашусь я, сказалъ онъ, осквернить руки мои деньгами, пріобрѣтенными насиліемъ и несправедливостями». И мало того, что отказался; одѣвшись въ рубище, повѣсивъ саблю на шею, отправился онъ въ такомъ видѣ по улицамъ Бухары, слезно умоляя жителей, чтобы они простили преступленія и проступки покойнаго отца его, и предлагая въ искупленіе ихъ собственную жизнь. Между учеными и святошами Шахъ-Мурадъ успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ уваженіе, какъ благочестіемъ, такъ ученостью и нѣсколькими отличными богословскими сочиненіями; но народъ не зналъ еще его, и теперь пришелъ въ удивленіе и умиленіе, видя въ такомъ знатномъ молодомъ человѣкѣ столько святости и самоуничженія. Послѣ этого, Шахъ-Мурадъ заключился въ главной мечети города, и цѣлый годъ провелъ въ молитвахъ и созерцаніи, не допуская до себя никого, кромѣ нѣсколькихъ любимыхъ учениковъ; въ это именно время написалъ онъ замѣчательнѣйшее изъ своихъ сочиненій Айль-Эль-Хикметъ, «Источникъ Мудрости». Слава его какъ совершеннаго суфи, росла и распространялась между тѣмъ. Утомленный честолюбіемъ и распрами его братьевъ, народъ сталъ умолять его принять бразды правленія, но

(1) Эмиръ въ этомъ случаѣ употреблено въ сокращенномъ видѣ; полный титулъ — Эмиръ-Эль-Муменинъ, «повелитель вѣрующихъ», который носила до того только калифы. Принятіе такого титула является естественнымъ послѣдствіемъ изолированнаго положенія сунито-мусульманской Средней Азіи, которая нуждалась въ духовномъ главѣ. Этотъ фактъ заслуживаетъ вниманія потому, что Бухара съ того времени стала себя считать и признавалась весьма многими политическимъ и, такъ сказать, іерархическимъ центромъ мусульманства внутренней Азіи. Это вошло въ большой степени и въ сознание народное. (В. В. Григорьевъ. «Записки Мирзы-Шемсъ-Бухари и пр.», стр. 41 и 42).

(2) В. В. Григорьевъ. «Записки Мирзы-Шемсъ-Бухари». Примѣчаніе 1-е (изъ Малькольма); цитируемъ почти дословно.

напрасно: поставленный созерцательною жизнью превыше всѣхъ приманокъ и обольщеній мірскихъ, восторженный суфи, если снисходилъ до дѣятельности, то не иначе, какъ религіозной: съ толпами народа, постоянно окружавшими его каждый разъ, какъ выходилъ онъ изъ своего заключенія, Шахъ-Мурадъ отправлялся разорять игорные дома или убѣжища разврата, которыхъ, говорятъ, было въ Бухарѣ нѣсколько тысячъ. Между тѣмъ, беспорядки въ управленіи увеличивались со дня на день. Произошло волненіе, жертвою котораго сдѣлалось болѣе 1,000 человекъ. Самъ ханъ, Абуль-Гази, и вся знать бухарская отправились въ мечеть къ Шахъ-Мураду, повели его оттуда на могилу отца, и здѣсь торжественно умоляли его принять на себя завѣдываніе дѣлами ханства. Шахъ-Мурадъ, тронутый бѣдственнымъ положеніемъ соотечественниковъ, и неотступными просьбами, поддался, но еще не совсѣмъ: общалъ принять участіе въ управленіи лишь совѣтами и указаніями, и ограничивался этимъ въ дѣйствительности, пока правитель Шагрисябза не простеръ дерзости своей до вторженія въ самые бухарскіе предѣлы. Тогда Шахъ-Мурадъ принялъ титулъ «наиба», и съ тѣхъ поръ сталъ править ханствомъ самовластно, оставивъ за Абуль-Гази-ханомъ, какъ замѣчено выше, только одинъ титулъ ханскій.

Первымъ дѣломъ его было устроить отправленіе правосудія, взиманіе налоговъ и содержаніе войска въ точной сообразности съ религіозными постановленіями ислама по симъ предметамъ. Затѣмъ и все остальное повелъ онъ порядкомъ, напоминавшемъ времена первыхъ халифовъ съ примѣсю суфизма, явилъ себя, однимъ словомъ, отшельникомъ на престолѣ. Весь блескъ придворной обстановки предшественниковъ его былъ уничтоженъ. Дворецъ обратился въ судебную палату, гдѣ председательствовали онъ съ сорока избранными законовѣдцами, оказывая всѣмъ и каждому самое нелицепріятное правосудіе. По уголовно-полицейской расправѣ предписанія корона стали соблюдаться съ величайшею строгостью: разбойниковъ казнили смертию, ворами отрубали правую руку, пьяницъ сѣкли публично; воспрещено было куреніе табаку и предписано всѣмъ классамъ народонаселенія точное исполненіе религіозныхъ обязанностей; нерадивыхъ полицейскимъ чиновникамъ разрѣшено было побуждать къ тому плетью. Изъ веселой, разгульной, распущенной, Бухара обратилась въ монастырь. Всѣ желавшіе посвятить себя изученію религіи принимались въ медресы безъ малѣйшаго затрудненія, и получали пищу даромъ; говорятъ, что въ одно время число студентовъ доходило въ Бухарѣ до 30,000 (?).

Собственною жизнью подавая примѣръ воздержности и умѣренности, Шахъ-Мурадъ бралъ на содержаніе свое изъ государственной казны по одной тенгэ (20 к. с.) въ день, не болѣе того, сколько выдавалось бѣднѣйшимъ изъ студентовъ. Семейство его жило во дворцѣ, самъ же онъ помѣщался въ одной голой комнаткѣ, куда входъ былъ открытъ всякому, во всякое время дня: носилъ одежду изъ самой грубой ткани, и, какъ истинный суфи, считалъ излишествомъ даже опрятность.

Всѣмъ этимъ внушилъ онъ къ себѣ такое благоговѣйное уваженіе, что народъ считалъ его за человѣка вдохновеннаго свыше, чуть не за пророка и повиновался безпрекословно и безропотно всякой его волѣ.

Въ походамъ онъ жилъ въ маленькой дурнаго вида палаткѣ, ѣлъ изъ одной чашки со своимъ нищимъ полуслѣпымъ поваромъ, а пища состояла изъ отвратительной похлебки, куда клалось немного зеренъ риса и вяленаго мяса, иногда протухлаго.

За всѣмъ тѣмъ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ онъ пользовался почти всегда успѣхомъ; въ политикѣ заслужилъ репутацію искуснѣйшаго дипломата, а такъ какъ и счастье его не покидало, то онъ успѣлъ раздвинуть границы своего государства, унаслѣдовавшаго отъ аптарханидовъ въ очень плохомъ состояніи, во всѣ стороны; доставилъ ему относительное благоденствіе и сумѣлъ сохранить въ народѣ воспоминаніе не только о необыкновенной религіозной строгости, но и о мягкости и справедливости своего управленія.

Эмиръ Маасумъ былъ вѣрнымъ олицетвореніемъ высшихъ стремленій своей эпохи. Онъ умеръ въ 1803 году.

Итакъ, если мусульмане запада остановились въ развитіи и быстро отстали отъ сильно прогрессирующихъ своихъ, болѣе западныхъ, сосѣдей, то этого мы не въ правѣ сказать о мусульманахъ востока: они продолжали развиваться и идти по избранному пути, на сколько только позволяло само ученіе ислама. Въ своей послѣдовательности и добросовѣстности они дошли до границы «всѣхъ земныхъ цѣлей», дальше идти уже некуда... Жаль, что путь оказался ложнымъ и гибельнымъ.

Пріемникомъ эмира Маасума былъ сынъ его Миръ, Хайдеръ. Онъ наслѣдовалъ отъ отца всѣ его недостатки и пороки съ излишкомъ, но, кажется, ни одного его достоинства: черезъ два года по восшествіи на престолъ онъ сталъ подражать смиренію и религіозности своего отца, но, будучи по внѣшности только ретивымъ муллой, на самомъ дѣлѣ былъ жестоко распутень, любилъ пьянствовать и отличался недовѣріемъ ко всѣмъ и крайнею подозрительностью

Миръ Хайдеру наслѣдовали: Миръ Хусейнъ, отравленный черезъ три мѣсяца приверженцами Насръ-Улла-хана, затѣмъ Омаръ-ханъ, свергнутый имъ же, а затѣмъ самъ *Насръ-Улла-ханъ* (въ 1827 г.). Воцарившись, онъ сейчасъ распорядился для обезпеченія себя убить ещѣ трехъ братьевъ съ ихъ семьями и затѣмъ предавалъ казни отъ 50 до 100 человѣкъ ежедневно въ теченіе мѣсяца; послѣ того, онъ «сталъ» добрымъ, смиреннымъ, справедливымъ и даже безпечнымъ (¹). Это не помѣшало, однако, ему исподволь въ продолженіи 6—7 лѣтъ предательски истребить всѣхъ выдающихся чиновниковъ и военныхъ, бывшихъ изъ рода въ родъ, въ продолженіи столѣтій, постоянными слугами бухарскихъ государей, причѣмъ имущества ихъ были присвоены эмиромъ. Той же участи подверглись и главные пособники и сподвижники его самого по воцаренію. Потомъ уже любостыжательный эмиръ не стѣснялся и съ купечествомъ, особенно иностраннымъ, которое изъ страха смерти и конфискаціи всего имущества отъ времени до времени покупало расположеніе своего государя дорогими подарками. Мирзы и шпіоны проникали повсюду, сообщая обо всемъ, что могло служить корыстолюбію и противоестественному сладострастію ихъ господина. Красивыхъ дѣтей обоего пола увлекали въ «Аркъ» насильно, а въ случаѣ упрямства, ихъ подвергали наказанію за неповиновеніе «повелителю правовѣрныхъ», а «кстати» отнимали въ его собственность имущество послѣднихъ. Не былъ пощаженъ даже Султанъ Джанъ, 14-лѣтній сынъ Достъ Мухаммеда, эмира авганскаго, искавшаго въ Бухарѣ убѣжища послѣ пораженія англичанами; Насръ-Улла-ханъ не задумался попрасть всѣ законы и святость гостеприимства....

Вообще трудно перечислить всѣ злодѣянія этого тирана; повторимъ слова Г. Вамбери: «Насръ-Улла-ханъ въ продолженіи 34-хъ-лѣтняго правленія представлялъ міру примѣръ, какъ много мерзостей способенъ совершить мухаммеданскій государь въ Азіи и какое тиранство въ состояніи выносить народъ, поработенный ханжествомъ».

Политическая обстановка сложилась, какъ нарочно, для Насръ-Улла-хана замѣчательно счастливо: ему удалось подчинить опять отторгнувшійся было Шагрисябъ и лѣвый берегъ Аму-Дарьи — Чар-вилайетъ, занять Кокандъ и дѣлать удачныя набѣги на Хивинское ханство; онъ позволялъ себѣ съ пренебреженіемъ относиться къ Персіи, 20,000 подданныхъ которой томились въ рабствѣ въ Бухарскомъ ханствѣ. У него не оказалось ни одного мало-мальски силь-

(¹) Такимъ нашель его Александръ Борпсъ, посѣтившій Бухару въ 1832 г. («Путешествіе въ Бухару», т. II, стр. 417—418; т. III, стр. 469 и 473).

наго сосѣда, могущаго дать отпоръ завоевательнымъ стремленіямъ и хотя нѣсколько смирить его высокомеріе и дерзость. Напротивъ того, начавшееся тогда политическое соревнованіе Англіи и Россіи у бухарскаго престола при полномъ невѣжествѣ Насръ-Улла-хана о томъ, что дѣлается за степями и пустынями, сопредѣльными съ его государствомъ, дало новую пиццу его тщеславію: облеченныхъ до-вѣриемъ и значительными полномочіями представителей этихъ государствъ онъ третировалъ при всемъ народѣ такъ, какъ будто имѣлъ дѣло съ посланцами Хивы и Коканда, даже хуже; полковника Стод-дартъ и капитана Конолли, двухъ официальныхъ агентоѵ Англіи, посланныхъ то-ли для созданія союза Хивы, Бухары и Коканда, то-ли «съ гуманными стремленіями къ просвѣщенію центральной Азіи» (1), онъ приказалъ казнить публично на Ригистанѣ въ 1842 г., продержавъ перваго изъ нихъ предварительно въ неволѣ четыре года и подвергая иногда страшнымъ пыткамъ и издѣвательствамъ (2), а втораго захвативъ въ свои руки предательствомъ. По этому одному нарушенію самыхъ первыхъ международныхъ правъ и отношеній, нарушенію, преступному и по мусульманскимъ міровоззрѣніямъ, можно судить, на сколько онъ считалъ себя безнаказаннымъ. Подобной участи, безпричинному умерщвленію, подверглось еще нѣсколько европейцевъ, въ томъ числѣ и турецкій инструкторъ, признанный недостаточно религіознымъ. Эта свобода дѣйствій и смѣлость Насръ-Улла-хана, безъ сомнѣнія, производили впечатлѣніе на толпу и на тѣхъ, кто въ нее попадалъ случайно со стороны: онѣ всемъ казались показателями силы и могущества, а на самомъ дѣлѣ это была не свобода дѣйствій, а только произволъ распушенной натуры и смѣлость счастливаго невѣжды. Да и гдѣ же было Насръ-Улла-хану знать Европу, Россію или Англію, когда Англія и Россія сами не имѣли о Бухарѣ надлежащаго понятія. То и другое составлялось или на основаніи свѣдѣній рѣдкихъ миссій и посольствъ, или на основаніи рассказовъ купцовъ, случайныхъ путешественниковъ и искателей приключеній. Пребываніе первыхъ (миссій) было большею частью кратковременно, а, главное, условія жизни ихъ въ Бухарѣ—подъ болѣе или менѣе приличнымъ арестомъ—совершенно не благопріятствовали пріобрѣтенію свѣдѣній и знакомству съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Вторые же, безъ сомнѣнія, находились всегда подъ гнетомъ того обоянія, которое Бухара продолжала имѣть

(1) *Вамбери*. «Исторія Бухары»; т. II, стр. 163.

(2) Стоддартъ не сласло и тѣ, что онъ принялъ, кажется, мусульманство. Нужно имѣть въ виду, что къ этому времени относится и кабульская катастрофа, т. е. изгнаніе и истребленіе англійскаго отряда подъ начальствомъ Эльзингтона.

на массы (1): при всемъ своемъ внутреннемъ разложеніи она все еще была руководительницей для прочихъ средне-азиатскихъ народовъ; что Бухара одобряла и любила, одобрялось и было любимо всѣми; туда стремился всякій молодой мусульманинъ, алчущій пищи духовной и жаждущій правды, такъ какъ здѣсь религіозный культъ (съ внѣшней стороны) достигъ необыкновенной разработки, а о чистотѣ его заботились десятки популярныхъ между мусульманами всего міра учителей и наставниковъ; «отсюда, говоритъ Вамбери, почерпали живительную силу для своего религіознаго фанатизма ревностные мусульмане изъ всѣхъ частей Оттоманской имперіи, Египта, Фецца и Марокко»; здѣсь и теперь можно найти много учениковъ изъ Турціи и Константинополя, Кавказа, Крыма, Казани (2), Сибири, Кульджи, Кашгара, Индіи, Явы, Авганистана, Аравіи и проч.

О томъ, насколько далеки отъ дѣйствительности были наши представленія о Бухарѣ и ея государяхъ, можно судить по нижеслѣдующему образцу официальной переписки нашей въ сороковыхъ годахъ. Предварительно замѣтимъ, что это письмо Оренбургскаго генераль-губернатора графа Перовскаго, человѣка безспорно умнаго, стоявшаго на высотѣ своего положенія и имѣвшаго отличныхъ помощниковъ и исполнителей приказаній по сношенію съ Азіей. Вотъ какъ титуруется Бухарскій эмиръ въ переводѣ (3): «Истолкователю всей мудрости и законовъ, высокопочтенному, совершеннѣйшему, славному и великому эмиру; этому отростку благотворительнаго Хакана, средоточію учености, порядка и славы, разсудителю всякаго благополучія представляемъ наше искренное уваженіе и преданность. Да сохранить его всевышній и всемогущій Богъ на престолѣ владычества и счастья отъ всѣхъ бурь и напастей и да дасть ему долгоденствіе».

Насрѣ-Улла-ханъ умеръ въ 1860 году отъ яда, успѣвъ казнить заподозрѣнныхъ въ отравленіи: любимую жену свою, ея родственниковъ и сообщниковъ.

Ему наслѣдовалъ сынъ Миръ-Музаффаръ-Эддинъ, отецъ нынѣшняго эмира, Сейидъ-Абдуль-Ахадъ-Багадуръ-хана, благопо-

(1) Весьма поучительны въ этомъ отношеніи стр. 470, 471, 472, 489 и др.; т. III, изъ «Путешествія Александра Борнса въ Бухару».

(2) Намъ лично пришлось познакомиться съ нѣкоторыми такими юношами, крымскими и казанскими татарами, отлично владѣющими русскимъ явкомъ. Пслѣднее обстоятельство неожиданно поставило насъ однажды даже въ очень затруднительное положеніе: постороннимъ не слѣдовало понимать нашихъ разговоровъ.

(3) Г. Вамбери, тамъ же, т. II, стр. 153. Можно, разумѣется, найти много документовъ, болѣе современныхъ, чѣмъ приведенный, въ которыхъ мы оказываемся болѣе краснорѣчивыми въ выраженіяхъ Азіатской вѣжливости, чѣмъ сами азіаты.

лучно правящаго ханствомъ съ 1885 года. Всѣ, кто помнитъ покойнаго, отзываются о немъ съ похвалою, какъ о человѣкѣ. Какъ правителя, его можно признать лишь несчастливымъ; можетъ быть, за грѣхи отца ему первому пришлось почувствовать на себѣ мощную руку новыхъ завоевателей съ сѣвера. Ему же довелось быть и послѣднимъ независимымъ государемъ этой страны, до 1868 года.

Однако, по сравненію со всѣми предъидущими новыхъ завоевателей нельзя не признать, по меньшей мѣрѣ, великодушными. Никого они не грабили и не разоряли, населенія не истребляли и этнографическаго переворота не производили; весь религіозный міръ туземцевъ и большей частью юридическій оставили не прикосновеннымъ даже въ ущербъ своимъ кровнымъ интересамъ; не только не получали и не извлекали никакой пользы изъ завоеванныхъ странъ, а всегда приплачивали изъ своей государственной казны для водворенія въ нихъ порядка, спокойствія и благоденствія. Они, искренніе носители лучшихъ современныхъ идеаловъ, стараются всѣми мѣрами пріобрѣсть расположеніе и любовь невидящихъ ихъ. И происходитъ это не по чьему нибудь личному почину, не составляетъ политики какого нибудь одного начальника или администратора, а дѣлается всѣми стихійно, такъ же стихійно, какъ само движеніе русскихъ на югъ, всегда останавливаемое и задерживаемое властью, но неустанно и неопределимо продолжающееся по волѣ неисповѣдимыхъ судебъ. Также остановлены были войска въ 1868 году и передъ Бухарой на половинѣ Зеравшанской долины послѣ побѣдъ у Ирджара, Самарканда и Зерабулака. Мы склонны, впрочемъ, думать, что на это неестественное и неопредѣленное рѣшеніе повліяло, въ свое время, не столько указаніе свыше, сколько все еще сильное обаяніе имени «Бухара»; на мѣстѣ мало кто отдавалъ себѣ отчетъ объ истинномъ положеніи дѣла, а знанія наши современныя о Бухарѣ были крайне сбивчивы, или преувеличены въ ея пользу. Во главѣ же войскъ не оказалось такого вдохновеннаго человѣка, какъ тотъ, что съ 2,000 штыковъ атаковалъ 100,000-ный городъ съ организованной обороною. Наконецъ, побѣдныхъ лавровъ и трофеевъ было въ то время такъ много (одинъ Самаркандъ и «гробница Тамерлана» чего стоятъ?), что не влекло этихъ отличныхъ и нечестолюбивыхъ людей на новые подвиги. Мало того, когда побѣжденная Бухара оказалась, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и политическаго разложенія на краю гибели, то эти же великодушные завоеватели спасли ее (Каршинская экспедиція въ 1868 году) и водворили на престолѣ предковъ законнаго государя.

Къ сожалѣнiю, едва ли сыщется въ средней Азiи мусульманинъ, который могъ бы правильно оцѣнить этотъ поступокъ. У бухарцевъ, особенно у сторонниковъ эмира, вселилось убѣжденiе, что наша поддержка и защита, оказанная джанаби-али—это только дружеская услуга государю, съ которымъ хотятъ жить въ мирѣ, считывая при нуждѣ на взаимность и съ его стороны (1).

Главной цѣлью настоящаго историческаго очерка было дать возможно ясное представленiе о томъ, что такое нынѣшняя Бухара предъ глазами исторiи и насколько не случайно ея настоящее состоянiе.

Попутно мы имѣли въ виду показать, какого благосостоянiя достигала эта страна въ тѣ короткiе годы мира, когда водворялась, наконецъ, въ ней твердая власть и когда народъ могъ съ нѣкоторымъ довѣрiемъ глядѣть въ будущее. Теперешняя земля и люди представляютъ по прежнему богатѣйшiй материалъ; есть на горизонтѣ ея и твердая власть, а о довѣрiи къ послѣдней будетъ рѣчь впереди.

Затѣмъ мы видѣли, какую службу сослужилъ исламъ для ассимиляции всѣхъ этихъ «суровыхъ воиновъ и дѣтей пустыни» съ мирными и культурными аборигенами и для обращенiя ихъ изъ кочевниковъ-грабителей въ земледѣльцевъ-производителей. Но мы, русскiе, не «суровые дѣти пустыни» и не кочевники, и ассимилировать насъ исламу уже не приходится. Напротивъ того, намъ предстоитъ приобщить туземцевъ къ европейской культурѣ и христiанскимъ идеаламъ; а съ этой точки зрѣнiя исламъ въ Средней Азiи, глубоко проникшiй здѣсь во всѣ мелочи жизни народной, можетъ служить только помѣхой. За то можно прибавить съ увѣренностью, что помѣха эта—единственная.

Изъ этого же историческаго очерка становится яснымъ, почему въ Средней Азiи осталось такъ мало памятниковъ ея прежней, несомнѣнно, высокой культуры; если было что замѣчательное, то, вѣроятно, обратило на себя своевременно вниманiе «суровыхъ дѣтей», и съ того времени лежитъ подъ мусоромъ развалинъ или покрылось песками пустыни. Все, болѣе или менѣе грандиозное или достойное нашего вниманiя изъ существующаго въ настоящее время, имѣетъ за собой не болѣе трехъ, четырехъ столѣтiй и создано притомъ только что осѣдавшими кочевниками. П. Пославскiй.

(Продолженiе будетъ).

(1) Кому изъ русскiхъ «гостей» эмира за послѣднее 20-ти-лѣтiе не памятна симпатичная фигура всегда веселаго и савовитаго старца, покойнаго Кунъ-беги? Каждому, вѣроятно, вспомнится и разсужденiе его, неизмѣненное для перваго знакомства, о томъ что «Россия и Бухара—это вотъ»... (прикладываетъ два указательныхъ пальца своихъ рукъ выдвинувъ одинъ къ другому).

БУХАРА.

Топографическій очеркъ.

(Съ планомъ).

(Окончаніе). (1).

а) *Городъ*. Городъ Бухара своей серединой занимаетъ небольшую возвышенность естественнаго происхожденія, на которой обоснвилось нѣсколько плоскихъ холмовъ. Изъ нихъ одинъ, на которомъ расположена цитадель или кремль, рѣзко отдѣленъ отъ общаго массива упомянутой возвышенности и ограниченъ со всѣхъ сторонъ высокими (8—10 сажень) почти отвѣсными обрывами, сдѣланными, безъ сомнѣнія, искусственно, причемъ большая масса отрытой земли пошла на поднятіе плоской вершины самаго холма и частью на образованіе стѣнъ, башенъ и построекъ (2) на немъ.

Не умѣщаясь на упомянутой возвышенности, городъ неправильно и беспорядочно сползаетъ съ нея во всѣ стороны и, будучи, наконецъ, ограниченъ крѣпостной оградой, очень рѣзко отдѣляется и отличается отъ непосредственно прилегающихъ къ нему, сравнительно низменныхъ, окрестностей. Такимъ образомъ крѣпостная ограда—высокая и толстая глинобитная стѣна съ башнями и воротами, расположена ниже внутренности города, а многими участками, какъ, напр., юго-западнымъ, даже значительно ниже, и потому средняя вызвышенная часть съ лучшими и важнѣйшими зданіями съ цитаделью, со всѣми базарами, голубыми куполами и съ главенствующей надъ всѣми башней «Катта Минаромъ», хорошо видна изъ-далека (см. планъ) съ разныхъ бугровъ и кургановъ, разбросанныхъ по мѣстности, если этому обзорнѣю не препятствуютъ,

(1) См. «Военный Сборникъ» 1890 года, № 11-й.

(2) Грунтъ—обыкновенный туркестанскій лѣсъ, т. е. хорошая глина.

разумѣтся, сады и деревья, которыми обсажены всѣ поля. Замѣтимъ кстати, что нѣсколько такихъ кургановъ, сравнительно, впрочемъ небольшихъ, попали и во внутрь города.

Къ возвышенности, на которой расположенъ городъ, съ востока подходит вода большаго, но единственнаго для города оросительнаго канала, называющагося Шарудъ; она течетъ по искусственному, насыпному руслу, значительно возвышающемуся надъ прилегающей мѣстностью; насыпное русло тянется отъ города вверхъ по теченію на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Вступая въ городъ, Шарудъ течетъ все время углубленной профилью въ толщѣ материка, имѣя мѣстами дно до двухъ сажень ниже прилегающей поверхности земли. Периодически текущая вода этого канала расходится въ городѣ почти вся безъ остатка, а потому выходъ его изъ города за стѣну съ противоположной, западной, стороны представляеть ничтожную канавку.

На упомянутые выше холмы вода, однако, не можетъ дойти: она ихъ всѣхъ вмѣстѣ обходитъ съ юга и составляетъ по этому среднюю (возвышенную) часть города, почти совершенно лишенную растительности. Въ этой части имѣется лишь нѣсколько прудовъ — «хауз»-овъ, очень углубленныхъ, питаемыхъ глубокими же и узкими арыками или трубами изъ Шаруда; по берегамъ этихъ хаузовъ внизу у спусковъ къ нимъ растутъ нѣсколько деревьевъ, обыкновенно тутовыхъ, вершинами своими мало поднимающихся надъ мѣстнымъ горизонтомъ и со всѣмъ невидимыхъ изъ за окружающихъ строеній. Чтобы кончить о распространеніи растительности въ городѣ, замѣтимъ здѣсь, что ею сопровождаются почти сплошь берега Шаруда и всѣхъ хаузовъ. Садовъ внутри города очень мало; все пространство, включенное въ обводъ городской стѣны, почти сплошь покрыто туземными постройками съ плоскими земляными крышами, поднимающимися уступами отъ наружной стѣны къ центру сообразно изгибамъ мѣстности. Эта общая картина горизонтальныхъ крышъ въ немногихъ лишь мѣстахъ закрывается группами деревьевъ или высокими щитами и куполами старыхъ, монументальныхъ мечетей и мадраса. Самый большой и лучшій садъ въ городѣ, безъ сомнѣнія, тотъ, что принадлежитъ «ильчи-ханѣ» — посольскому дому, мѣсту теперешняго ⁽¹⁾ расположенія Императорскаго Россійскаго политическаго агенства въ Бухарѣ. Вообще растительности больше въ западной и сѣверо-восточной частяхъ города. Обѣ онѣ настолько сравнительно низменны, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ, изъ арыковъ

(1) Съ 1886 по 1891 годъ.

Захкешъ и Наумитанъ, протекающихъ съ наружной стороны крѣпостной ограды, вода проведена маленькими канавками и трубами подъ городской стѣной во внутрь города.

Площадь, окруженная стѣной и занимаемая городомъ, вытянута нѣсколько съ востока на западъ и имѣетъ неправильную сомкнутую фигуру со входящими и исходящими углами и съ 11-ю воротами, отъ которыхъ къ срединѣ города идутъ лучшія улицы; однако, онѣ настолько узки, что двѣ встрѣчныя арбы или два каравана навьюченныхъ верблюдовъ могутъ безпрепятственно разойтись въ очень немногихъ мѣстахъ. Обыкновенно же одной сторонѣ приходится или вернуться вспять или сойти въ ближайшее уширение улицы или въ переулочъ и переждать очищенія пути.

Съ внутренней стороны городской стѣны, вдоль ея, существуетъ дорога, которая на большей части протяженія своего придерживается банкета, но мѣстами она непроходима для артилеріи, будучи сужена разными жилыми постройками, примкнутыми къ стѣнѣ, а мѣстами совершенно преграждена, а такія мѣста приходится обходить по ближайшимъ къ стѣнѣ улицамъ и переулкамъ. Длина городского обвода равна приблизительно 12-ти верстамъ; площадь слишкомъ 8 квадр. версть.

б) *Ограда*. Крѣпостную ограду г. Бухары составляетъ высокая глинобитная стѣна, равномерно окружающая городъ со всѣхъ сторонъ, имѣющая 11 воротъ и приспособленная для ружейной обороны съ фланкирующими полукруглыми выступами-полубашнями. Наружныхъ верковъ или внутреннихъ усиленій никакихъ нѣтъ; нѣтъ даже наружнаго рва. Такой составъ ограды въ европейскомъ смыслѣ не заслуживаетъ, пожалуй, названія крѣпостной, но мы удержимъ его потому, что службу таковой она выполняла въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

Начертаніе ея въ планѣ, или что тоже, фигура площади, занимаемой городомъ, совершенно неправильна: она имѣетъ входящіе и исходящіе углы, входящія закругленія, сильно выдвинутые изъ общаго очертанія участки, каковъ юго-западный; но все это не вызывается на нашъ взглядъ никакими топографическими или тактическими требованіями. Вообще, въ расположеніи ограды г. Бухары въ планѣ мы не усмотрѣли никакого военнаго характера и склонны считать его въ военномъ смыслѣ случайнымъ и сложившимися постепенно, путемъ, такъ сказать, историческимъ.

Детали въ планѣ и въ разрѣзахъ показаны на приложенныхъ чертежахъ; тутъ же показанъ и общій видъ ограды снаружи. Высота

стѣны отъ земли до вершины зубцовъ равна въ среднемъ около 5-ти сажень или 35 фут.; высота до банкета 25 футъ.

Толщина весьма различна, у подошвы она всегда значительно больше, чѣмъ на высотѣ банкета; на высотѣ примѣрно 2-хъ саж. отъ земли средняя толщина ея составляетъ отъ одной до двухъ сажень.

Надъ площадью банкета, для образованія его самаго, стѣна значительно тоньше, образуя родъ парапета, толщиной внизу до трехъ, а вверху до двухъ футовъ. Парапетъ этотъ вѣнчается на всемъ протяженіи стѣны кругомъ города зубцами, неимѣющими, впрочемъ, никакого оборонительнаго значенія, такъ какъ они возвышаются надъ банкетами не меньше 7—8 футъ. Для ружейной же обороны въ толщѣ парапета на высотѣ грудной облоконы оставлены неправильныя, закругленнаго очертанія, отверстія—бойницы, причѣмъ крупнѣйшія изъ нихъ закрыты съ внѣшней стороны чѣмъ-то въ родѣ козырьковъ (показано на чертежѣ), состоящихъ изъ глины же на полочкахъ и очень хорошо прилѣпленныхъ къ стѣнѣ. Они боеваго значенія не могутъ имѣть ровно никакого, ибо по недостаточной толщинѣ легко будутъ пробиваться ружейной пулей. Козырьки эти, какъ и зубцы на верху, устроены только для вида; впрочемъ, какъ тѣ, такъ и другіе, стоятъ на первой очереди къ разрушенію, чтѣ мѣстами и наблюдается.

Фланкирующихъ полукруглыхъ выступовъ или полубашень въ оградѣ 116, не считая 11 паръ башень при воротахъ. Разстояніе ихъ другъ отъ друга неодинаково, измѣняясь постепенно отъ 50 до 200 шаговъ, причѣмъ въ сѣверо-восточной сторонѣ ограды онѣ расположены замѣтно чаще, чѣмъ на остальномъ протяженіи.

Полубашни имѣютъ также далеко не одинаковый діаметръ, а именно: отъ одной до пяти сажень между входящими углами парапета. А такъ какъ внутренняя крутость стѣны не слѣдуетъ за выпуклостью полубашни, не паралельна ей, то въ большихъ полубашняхъ образуются площадки, достаточныя для помѣщенія одного, а иногда и двухъ орудій, но въѣздовъ туда, или какихъ либо приспособленій для поднятія орудій не имѣется и не организовано, и потому бухарскую городскую стѣну можно считать вовсе неимѣющей артилерійской обороны. Кстати замѣтимъ, что не только нѣтъ никакихъ въѣздовъ на эти высокія площадки-барбеты, но нѣтъ никакихъ входовъ на банкеты: тѣ, которые были (слѣды замѣчаются во многихъ мѣстахъ), срѣзаны и уничтожены въ тѣхъ единственно видахъ, что съ высоты стѣны обнаруживаются для нескромныхъ

взоровъ внутренніе двory прилежащихъ къ стѣнѣ домовъ. По той же причинѣ на стѣнѣ нѣтъ, разумѣется, никакихъ часовыхъ или караульныхъ.

Длина стѣны, повторимъ здѣсь, составляетъ около 12 верстѣ.

Всѣхъ воротъ въ оградѣ, какъ сказано выше, 11 (1), а именно: 1) Имамъ, 2) Угланъ, 3) Талипачъ, 4) Ширгаранъ, 5) Каракуль, 6) Шахъ-джалаль, 7) Намазга, 8) Салли-ханэ, 9) Карпи или Кавалая, по которымъ производится сообщеніе съ желѣзно-дорожной станціей, 10) Мазаръ, выйдя за которыя дорога сейчасъ же дѣлится на двѣ: одну въ Мазаръ-Багаудинъ (2), отчего ворота получили свое названіе, другую къ сѣверо-востоку, въ Самаркандъ черезъ Гурбунъ, и 11) Самаркандскія. Всѣ ворота защищаются (каждая) парю кирпичныхъ башенъ, соединенныхъ кирпичнымъ же простѣнкомъ, который и заключаетъ въ себѣ ворота. Парапетъ съ банкетомъ, бойницами и зубцами продолжается всюду и надъ воротами, не прерывая общаго фасада стѣны и линіи огня. Но въ этихъ башняхъ у воротъ и въ простѣнкахъ бойницы расположены обыкновенно въ два и три яруса. Ворота двухстворчатыя, деревянныя; высотой около 13-ти фут., шириной около 10-ти футовъ, полотна собраны изъ вертикальныхъ брусевъ, толщиной около трехъ вершковъ. Оковка весьма недостаточна. Запираются большими засовами и рѣдкой величины замками, ключи отъ которыхъ (счетомъ 11) послѣ намаза Ахшамъ относятся въ кремль, будто, къ Кушъ-беги (3) и лежать у него всю ночь «подъ подушкой». Утромъ открываются очень рано, а именно, сейчасъ послѣ Азана, т. е. до разсвѣта. Прежде, говорятъ, опоздавшимъ приходилось постоянно ночевать за воротами. За послѣднее время привратники, разные старички, живущіе тутъ же въ башняхъ—за «силау» (на чай), общенное изъ-за воротъ, охотно бѣгутъ къ Кушъ-беги за ключами и открываютъ ворота; впрочемъ, на это требуется не меньше часа времени. Но если, уѣзжая изъ города, предупредить привратника о

(1) Прежде было, говорятъ, 12 воротъ; одинъ теперь уничтоженъ, но гдѣ они были расположены, мнѣ не удалось узнать.

(2) Могла очень почитаемаго святаго по имени Багаудинъ, прямые и не прямые потомки котораго образовали цѣлый городъ кругомъ могилы и хорошо живутъ на счетъ своего святаго предка, обирая пилигримовъ, въ массѣ стелющихся сюда на поклоненіе. Ходжа Багаудинъ, великій мистикъ своего времени, умеръ въ 1388 г., современникъ Тимура. Г. Вамбери называетъ его «національнымъ сватымъ Бухары», хотя нельзя признать, чтобы такое опредѣленіе было здѣсь у мѣста.

(3) *Кушъ-беги*—высшій сановникъ ханства, въ родѣ великаго визиря.

позднемъ возвращеніи, то ключи задерживаются на мѣстѣ и ворота открываются немедленно. Разумѣется, порядочный мусульманинъ не ѣздитъ по ночамъ и всѣ эти отступленія дѣлаютъ почетные и безпокойные «гости» — мы русскіе, нарушающіе подчасъ всякія правила и приличія, къ крайнему соблазну правовѣрныхъ. |

Изъ сдѣланнаго описанія ограда г. Бухары становится яснымъ, что свойственное ей прежде военное значеніе, значеніе крѣпостной ограда, она уже потеряла совсѣмъ; и это потому, что въ политическомъ смыслѣ она является чистымъ анахронизмомъ. Впрочемъ, по размѣрамъ своимъ она несомнѣнно сохранила значеніе довольно трудно преодолимой преграды. Другими словами: для насъ теперь она имѣетъ значеніе мѣстное, такъ сказать, топографическое; для городского же населенія, вслѣдствіе особаго склада его жизни — административно-полицейское; она хороша для порядка, устанавливая всегда рѣзкую и наглядную черту между городомъ и окрестностями. Нужно, однако, замѣтить, что большинство городского населенія, ничего, можетъ быть, не видавшаго, кромѣ своей «Бухары-и-шерифъ», искренно убѣждено въ совершенной своей безопасности за этой городской стѣной: эти простые люди спокойно засыпаютъ, разъ городскія ворота заперты своими огромными замками.

Въ заключеніе о городской стѣнѣ скажемъ, что для правительства Бухарскаго, казалось бы, не можетъ быть не ясно истинное значеніе городской стѣны, однако, надлежитъ констатировать, что она содержится въ большей, пожалуй, исправности, чѣмъ, напримѣръ, мечети, мадраса, каменная одежда хаузовъ и проч. Общее-то впечатлѣніе, пожалуй, одинаковое: т. е. и стѣна приходитъ къ упадку, но ремонтируется зачѣмъ-то.

в) *Кремль* ⁽¹⁾. О кремлѣ мы можемъ сказать лишь нѣсколько словъ въ добавокъ къ тому, что уже сказали въ началѣ, но, въ виду важности этого пункта, говоримъ о немъ отдѣльно. Обособленный высокій холмъ, на которомъ расположенъ кремль, называется Ну-мишкендъ ⁽²⁾; онъ находится не по срединѣ города, а приближенъ къ сѣверо-западной сторонѣ на разстояніе около 200 саж. отъ го-

⁽¹⁾ Цяатель въ г. Бухарѣ называется обыкновенно персидскимъ словомъ — аркъ. Переводя его словомъ «кремль», мы слѣдуемъ В. В. Григорьеву. (Прим. 7 къ Запискамъ и проч. Мирзы-Шемса-Бухари), считающему, что арки въ азіатскихъ городахъ суть тоже самое, что кремли въ старыхъ русскихъ городахъ.

⁽²⁾ В. В. Григорьевъ въ томъ же 7-мъ примѣчаніи ссылается въ своемъ описаніи бухарскаго кремля на Мейендорфа (Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820. Paris. 1826), у котораго и заимствуетъ названіе холма, намъ неизвѣстное.

родской стѣны. На верху, вдоль гребня, расположена такая же по внѣшнему виду глинобитная стѣна, какъ и городская; въ ней замѣчено нами шесть полукруглыхъ фланкирующихъ выступовъ и двѣ кирпичныя башни, расположенныя по обѣ стороны единственныхъ воротъ. Высота стѣны неодинакова, вслѣдствіе неправильныхъ очертаній гребня обрывовъ, но линия верхнихъ зубцовъ стѣны приближается къ горизонтальной, а сложная высота обрывовъ и стѣны достигаетъ 10-ти, а мѣстами даже 12-ти сажень. Эскалада этой кручи въ настоящемъ видѣ почти невозможна; несмотря на дурное качество матеріала (необожженная глина) и работъ этихъ сооружений, эффектъ при приближеніи къ подножью кремля получается очень сильный отъ однихъ размѣровъ.

Длина обвода стѣны составляетъ около 300 сажень.

Ворота брусчатая, деревянныя, находятся на западномъ фасѣ, со стороны важнѣйшей въ городѣ площади, называемой Ригистаномъ. Хотя онѣ (ворота) значительно понижены противъ вершины холма и вмѣстѣ съ подъемомъ отъ нихъ въ гору значительно врѣзаны въ толщу земли холма, но подниматься къ нимъ со стороны Ригистана приходится по широкой и длинной аппарели, занимающей не малую часть самой площади. За воротами подъемъ продолжается большимъ, наклоннымъ и изогнутымъ въ планѣ коридоромъ со сводами, который и выводитъ на плоскую вершину холма ⁽¹⁾. Здѣсь находятся: дворецъ эмира со службами, часть гарема, мечеть, домъ, гдѣ Кушъ-беги принимаетъ «гостей» эмира, квартира Кушъ-беги, помѣщеніе стражи, монетный дворъ, казнохранилище, разныя тайныя помѣщенія и проч. Все это скучено на пространствѣ въ 4,000 квадрат. саж. ⁽²⁾, или около 1²/₃ десятины.

Никакой площади, мало-мальски заслуживающей это названіе, ни сада, ни даже группы деревьевъ внутри кремля, нами не замѣчено; можно быть увѣреннымъ также, что тамъ нѣтъ и конюшенъ,

⁽¹⁾ Подъ сводами коридора, въ нишахъ по сторонамъ его, сидятъ всегда нѣсколько важныхъ мирвъ—подъячихъ, тутъ же на колѣнѣхъ пишущихъ за вснагражденіе краснорѣчивыя просьбы (арвъ) на имя Джанаби-Ала (эмира), Кушъ-беги и проч. Всѣ они считаются дворцовыми чиновниками, отъ того и видъ имѣютъ очень важный.

⁽²⁾ Хотя мнѣ, разумѣется, не было никакой возможности сдѣлать «обходъ» стѣны кремля, но я рѣшалось утверждать, что этотъ размѣръ площади, а равно расположеніе стѣны въ планѣ весьма близки къ дѣйствительности, ибо крайнія выступающія точки кремлевой стѣны провѣрны мною десятками азимутовъ (бусолью Шмалькальдера) съ различныхъ точекъ окрестностей.

удовлетворяющихъ дворцовой потребности (1): съ другой стороны, почти навѣрно, въ кремлѣ существуютъ колодезь, или иное обезпеченное водоснабженіе, хотя намъ и не удалось подтвердить этого распросами. Рядомъ съ этимъ очень вѣроятно существованіе тайнаго подземнаго выхода въ городъ.

г) *Окрестности*. Съ наружной стороны городской стѣны, вдоль ея, существуетъ сообщеніе—грунтовая дорога, различныхъ по участкамъ свойствъ; по ней можно проѣхать верхомъ и пройти пѣшкомъ кругомъ всего города, не удаляясь отъ стѣны, кромѣ небольшого участка отъ воротъ Салли-ханэ до самаго выдающагося юго-восточнаго исходящаго угла, гдѣ дорога значительно удаляется отъ стѣны. Поэтому сообщенію кругомъ города можетъ пройти и артилерія, кромѣ участковъ: 1) отъ воротъ Талипачъ до воротъ Угланъ (сѣв.-зап.), гдѣ нужно сдѣлать объѣздъ, удалившись отъ стѣны, и 2) по обѣ стороны воротъ Шахъ-Джаляль (ю), гдѣ артилеріи почти нельзя пройти, вслѣдствіе тѣсноты тропинки, прижатой къ крутымъ наружнымъ откосамъ городской стѣны, прилегающими, сильно болотистыми низменностями.

Такія же низменности, но ббльшихъ размѣровъ, расположены за воротами Угланъ и Имамъ (съ сѣв.) и всѣ покрыты густымъ камышемъ. Онѣ съ одной стороны являются, приемниками «сбросной» воды съ полей, а съ другой—доставляютъ каждую осень большой запасъ камыша, столь необходимаго для построекъ туземной конструкціи въ городѣ, и каждую зиму—значительные запасы льда.

Въ противоположность городу, окрестности его по количеству деревьевъ, виноградниковъ и проч. представляютъ собой почти сплошные сады. Вообще, мѣстность кругомъ города является чрезвычайно пересѣченной и закрытой еще вслѣдствіе очень большого количества глинобитныхъ заборовъ, построекъ и оросительныхъ канавъ-арыковъ, болѣе или менѣе углубленныхъ. Относительно послѣднихъ нужно замѣтить, что при обособленности орошенія самаго города, получающаго воду только изъ Шаруда, всѣ остальные арыки, въ большомъ количествѣ пересѣкающіе мѣстность, должны быть оттѣснены въ сторону этой громадной площадью города, для нихъ недоступной. И въ самомъ дѣлѣ: арыки, головы которыхъ находятся вообще въ сѣверо-восточномъ отъ г. Бухары направленіи, собираются къ сѣверу отъ города на неширокой полосѣ въ 150—

(1) Эти примѣчанія мы дѣлаемъ въ опроверженіе упомянутого выше (въ выноскахъ) описанія бухарскаго кремля В. В. Григорьева, гдѣ, впрочемъ, преувеличена въ нѣсколько разъ и площадь, занимаемая кремлемъ.

200 саж. въ числѣ 13-ти отдѣльныхъ наименованій; выйдя за меридіанъ города, они скоро опять расходятся, покрывая собой и своими развѣтвленіями всю мѣстность. Упомянутые арыки, текущіе полосой, на большомъ протяженіи почти параллельно другъ другу, имѣютъ совершенно различную ширину, глубину и уровень воды, причемъ, расходясь по разнымъ направленіямъ, часто пересѣкаютъ другъ друга, пропуская воду (встрѣчнаго арыка) подъ, или надъ собой при помощи различныхъ простыхъ и несовершенныхъ сооружений (1). Разительный тому примѣръ представляетъ пересѣченіе арыкомъ Наумитаномъ, къ сѣверо-западу отъ города, семи другихъ отдѣльныхъ арыковъ съ сильно разнящимися другъ отъ друга уровнями воды, или развѣтвленіе, встрѣчаемое на дорогѣ отъ с. Базарчи (сѣв.) къ Самаркандскимъ воротамъ. При томъ строгомъ и систематическомъ пользованіи водой, которое практикуется въ Бухарѣ и вызывается общимъ недостаткомъ воды въ р. Зеравшанѣ, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти арыки и сооружения при нихъ будутъ всегда содержаться жителями въ надлежащей исправности, а въ такомъ случаѣ пересѣчь эту полосу арыковъ иначе, какъ по существующимъ дорогамъ, является совершенно невозможнымъ для артилеріи и кавалеріи и крайне труднымъ и рискованнымъ для пѣхоты, такъ какъ всякая часть разстроится и непременно потеряетъ взаимную связь. Съ другой стороны, большое количество лѣса, растущаго тутъ же, по берегамъ арыковъ въ нѣсколько рядовъ, позволяетъ легко устроить широкіе и удобные переѣзды (2).

Дороги пересѣкаютъ окрестности города Бухары въ различныхъ направленіяхъ и ихъ очень много. Показанныя на планѣ, почти всѣ онѣ пригодны для арбенаго (3) движенія; но деревянные маленькіе мостики на нихъ находятся большею частью въ очень неудовлетворительномъ состояніи; туземцы даже на главнѣйшихъ путяхъ заботятся лишь о томъ, чтобы былъ проѣздъ верховому и чтобы прошла, слѣдовательно, лошадь арбакеша (4), при этомъ большія ко-

(1) Матеріалами служатъ лишь глина и дерево; первая отличныхъ качествъ, второе очень плохихъ мѣстныхъ породъ—не смолистыхъ.

(2) Къ сказанному объ арыкахъ мы можемъ прибавить вообще, что, ознаменованіе съ орошеніемъ окрестностей г. Бухары приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что оно устроилось въ настоящемъ видѣ не сразу, развивалось, накоплялось и улучшалось постепенно въ продолженіи многихъ вѣковъ и представляетъ систему очень сложную, хотя во многихъ отношеніяхъ и очень несовершенную; однако, будучи, безъ сомнѣнія, столь же древней, какъ и сама Бухара, требуетъ къ себѣ крайне осторожнаго отношенія и прикосновенія.

(3) Арба—туземная общеупотребительная двухколесная повозка; діаметръ колеса—около семи футовъ.

(4) Арбакешъ—возница, ѣдущій большею частью верхомъ.

леса арбъ легко переходять и безъ всякихъ мостиковъ обыкновенные арбки, гдѣ, однако, артилерійское колесо можетъ застрять. Всѣ дороги грунтовыя, а въ ненастное время тяжелыми колесами бухарскихъ арбъ выбиваются настолько глубокіе колеи и ухабы, что радіуса обыкновенныхъ колесъ часто недостаточно, чтобы идти этими выбитыми колеями: колесо ложится на ступицу; въ то же время лошади, попадающія въ эти глубокія узкія колеи, легко ломають себѣ ноги, что на самомъ дѣлѣ случается нерѣдко. Если прибавить, что всѣ почти дороги имѣють углубленную профиль и потому представляютъ собой для многихъ мѣстностей резервуары, куда стекаетъ вода, неудерживающаяся на окружающихъ поляхъ, и гдѣ она въ колеяхъ составляетъ глубину, часто превосходящую аршинъ, то не покажется преувеличеннымъ утверждение, что въ ненастное время эти дороги являются почти непроходимыми для артилеріи и обозовъ съ обыкновенными колесами, чего нельзя сказать объ арбахъ, движеніе которыхъ, хотя и сокращается въ это время до minimum'a, но не прекращается и удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ. Замѣтимъ еще, что двигаться внѣ дорогъ представляется уже положительно невозможнымъ.

Вообще, при обсужденіи военныхъ операцій въ окрестностяхъ г. Бухары необходимо должно быть принято во вниманіе время года и состояніе погоды, которыя, вслѣдствіе особенностей почвы и ея культуры, будутъ имѣть очень большое вліяніе на состояніе путей сообщенія и, слѣдовательно, на успѣхъ самыхъ операцій.

Арбяныя дороги, пролегающія внутри города отъ воротъ къ центру, о которыхъ мы говорили выше, имѣють почти всѣ прямое продолженіе за воротами. Это суть магистральные пути сообщенія города со всей страной, а потому въ общемъ лучшіе и исправнѣйшіе. Три дороги, идущія въ южномъ направленіи отъ воротъ: Шахъ-джаляль, Намазга и Салли-ханэ, неполнѣй отвѣчаютъ этой характеристикѣ, такъ какъ съ одной стороны въ южномъ отъ города направленіи нѣтъ пункта значительной важности, съ которымъ бы городъ поддерживалъ оживленное сообщеніе, а съ другой — культурная страна — оазисъ — кончается въ южномъ отъ города направленіи черезъ нѣсколько верстъ, а потому эти три пути имѣють значеніе мѣстныхъ проселочныхъ дорогъ.

Къ описанію окрестностей города Бухары мы должны прибавить нѣсколько словъ о курганахъ или буграхъ, разбросанныхъ по мѣстности, о которыхъ упоминали выше, и о кирпичныхъ заводахъ. Первые расположены въ различныхъ разстояніяхъ отъ крѣпостной

ограды и имѣютъ разную величину и высоту. Нѣкоторые занимаютъ значительныя поверхности, какова, напримѣръ, группа бугровъ, почти примыкающая къ восточной сторонѣ городской стѣны у Каршинскихъ и Мазарскихъ воротъ. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе въ этомъ отношеніи на большой и высокій бугоръ съ сѣверной стороны города близъ Имамскихъ воротъ съ двумя меньшими узкими и длинными, вытянутыми отъ перваго вдоль арыковъ къ западу. Высшія точки обѣихъ этихъ групп командуютъ нѣсколько крѣпостной стѣной. Всѣ эти бугры и курганы безъ исключенія, какъ находящіяся внутри города, такъ и ближайшіе къ нему, наружные, заняты кладбищами; быть похороненнымъ на одномъ изъ нихъ составляетъ мечту многихъ правобѣрныхъ старцевъ.

Нѣсколько кирпичныхъ заводовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ города, расположены къ югу и востоку отъ него и въ очень близкомъ разстояніи. Конструкція мѣстныхъ кирпичеобжигательныхъ печей, въ зависимости отъ употребляемаго топлива, требуетъ устройства глубокихъ ямъ подъ сводами, на которыхъ насаживается сырецъ; но такъ какъ высокія грунтовыя воды мѣшаютъ углубленію топливника въ почву, то устраивается искусственный небольшой бугоръ, въ которомъ вырывается яма и надъ которымъ уже устраиваются стѣны печи. Со временемъ, параллельно дѣятельности печи, увеличивается и насыпь этого бугра на счетъ шлаковъ, золы, щебня и прочихъ отбросковъ производства; такимъ образомъ, кирпичеобжигательныя печи представляютъ собой, какъ и упомянутыя выше кладбища, пункты, большею частію возвышающіяся надъ окружающею мѣстностью и занимающіе иной разъ значительную поверхность.

Водоснабженіе. Въ началѣ уже сказано, что городъ Бухара получаетъ воду изъ особаго капала Шаруда, но дѣло въ томъ, что вода течетъ въ немъ только два раза въ мѣсяць. Воды въ рѣкѣ Зеравшанѣ часто бываетъ такъ мало, что, если бы дать право выше сидящимъ по теченію расходовать ее въ волю, то на большую площадь земли, ниже расположенную и нынѣ обрабатываемую, вода бы не доходила, или доходила бы очень рѣдко, напримѣръ, въ половодіе; тоже должно было бы случиться и съ Бухарой. При такихъ условіяхъ жить тамъ было бы совершенно невозможно, а потому установлена очередь: каждый пользуется водой (сколько далъ Богъ и русскіе у Самарканда) въ продолженіе извѣстнаго промежутка времени, напримѣръ, двухъ сутокъ, затѣмъ ожидаетъ, пока къ нему

опять придет очередь (1). Когда ожидаемая съ нетерпѣніемъ вода входитъ въ городъ, то немедленно и автоматически распредѣляется арыками по всему городу, наполняетъ всѣ пруды-хаузы, орошаетъ, сколько есть, садовъ и огородовъ, обильно расходуется на поливку улицъ и проч.; излишекъ, если есть, выпускается въ запасный арыкъ-Захкешъ, текущій внѣ города. Съ прекращеніемъ притока воды арыки и Шарудъ пересыхаютъ; вода остается только въ хаузахъ, гдѣ скоро приобрѣтаетъ зеленоватый цвѣтъ и на вкусъ становится неприятной. Замѣтимъ здѣсь, что средняя часть Шаруда (пересѣкающая базары), а также большинство хаузовъ, расположенныхъ въ средней части города, имѣютъ берега, одѣтые естественнымъ камнемъ, большими, грубоотесанными глыбами, но, повидимому, безъ раствора, или иныхъ связей. Берега канала сложены вертикально, а у хаузовъ спускаются большими ступенями къ срединѣ. Но кладка большею частью уже потеряла свою правильность: много камней сдвинуто съ мѣста, а мѣстами ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Эта средняя часть Шаруды перекрыта большимъ количествомъ каменныхъ же мостовъ, мѣстами сплошь настолько, что каналъ становится невидимымъ на большомъ протяженіи; на этихъ мостахъ, съ виду безразлично, какъ и на землѣ, возведены кое-гдѣ постройки, устроены лавки и проч. Во всемъ объемѣ всѣ эти сооруженія нужно признать дѣломъ весьма крупнымъ, но они, видимо, приходятъ въ упадокъ и разрушеніе.

Вода въ хаузахъ, одѣтыхъ камнемъ, портится не такъ скоро, какъ въ другихъ, имѣющихъ простые земляные откосы. Въ послѣднихъ лѣтомъ, подъ палящими лучами солнца, черезъ два, три дня она загниваетъ и буквально кишитъ міриадами видимыхъ простымъ глазомъ организмовъ, а къ концу двухъ недѣль становится отвратительной и издаетъ такой запахъ, что отбиваетъ охоту отвѣдать. Однако, большинство бухарцевъ принуждено пить такую воду, и пьютъ спокойно, ибо это нормальное положеніе вещей. Тѣмъ болѣе трудно представить себѣ положеніе жителей Бухары, когда и этотъ нормальный порядокъ вещей нарушается. Случается, однако, почти ежегодно весной (обыкновенно въ началѣ мая, между весеннимъ и

(1) Дѣленіе воды Зеравшана для Самаркандской области и Бухарскаго ханства производится на меридіанѣ Самарканда нѣсколькими простыми загражденіями, собирающими воду этой рѣки, текущей многими протоками по розсыпи, въ два русла Акъ-Дарью и Кара-Дарью. У этого мѣста поставленъ столбъ съ надписью «Водораздѣлъ»; нельзя, разумѣется, признать правильнымъ употребленіе этого топографическаго термина въ данномъ случаѣ, но назначеніе столба понятно.

лѣтнимъ половодіемъ), что приходитъ очередь города получить воду, но не приходитъ по Шаруду вода, ибо нѣтъ ея и въ Зеравшанѣ иногда до самаго Самарканда. Хаузы, разумѣется, очень скоро изсякаютъ, и жители роютъ со дна ихъ колодцы, углубляя постепенно и эти послѣдніе по мѣрѣ изсяканія. Добываніе воды становится все труднѣе, у cadaго колодца стоитъ толпа ожидающихъ очереди, а жара въ городѣ усиливается изо дня въ день...

Естественно послѣ того, съ какой радостью, шумомъ и оживленіемъ встрѣчается въ Бухарѣ новая вода. Хотя она совершенно желтая отъ мути и ила, хотя она несетъ съ собой весь тотъ соръ, грязь и мерзость, которыя выбрасываются или попадаютъ въ Шарудъ и арыки за время ихъ бездѣйствія, но приходъ новой воды—это настоящій праздникъ въ Бухарѣ, повторяющійся два раза въ мѣсяцъ. Всѣ мужчины выходятъ тогда къ хаузамъ, садятся на ихъ ступени и съ наслажденіемъ опускаютъ свои голыя ноги въ волнующуюся воду, а на водѣ съ крикомъ и смѣхомъ плещается масса голыхъ (всегда, впрочемъ, въ короткихъ штанишкахъ) ребятъ; а такъ какъ они на этотъ разъ съ непокрытыми головами, то представляется случай убѣдиться, что всѣ они «поголовно» паршивые: кто съ облѣзлой пятнами головой, кто со струпами, кто полусѣдой и проч. Но это все ни мало не смущаетъ веселую, постоянно мѣняющуюся толпу, тутъ же пьющую воду изъ хауза и наполняющую сосуды, чтобы подѣлиться съ домашними—женщинами. Особенно достается въ это время специалистамъ водносамъ, наливающимъ безсчетное число разъ свои большіе бурдюки, посредствомъ особаго устройства кожаныхъ же плоскихъ висячихъ ковшей.

Ни о какихъ фильтрахъ или иныхъ приспособленіяхъ для очистки воды бухарцы, разумѣется, и понятія не имѣютъ. Безъ сомнѣнія, это не можетъ не отражаться въ той или другой степени на здоровьи жителей; достаточно напомнить о всегдашнемъ существованіи въ Бухарѣ большаго количества больныхъ *риштой* (1); но все-таки

(1) *Dracunculus medinensis*—круглая глиста развивается подъ кожей у чело-вѣка до одного аршина длины и толщиной въ басовую струну; бываетъ ихъ часто и по нѣсколько въ разъ (до 8 и 10 штукъ). Они производятъ сильныя болевыя ощущенія, сведенія членовъ, истощеніе и проч. Обнаруживаются небольшою язвочкой, изъ которой начинаетъ сочиться бѣловатая жидкость, представляющая миллиарды яичекъ, выпускаемыхъ самкой. При омовеніяхъ мусульманъ яички легко попадаютъ въ воду, гдѣ скоро вылупляются въ личинки; черезъ нѣсколько дней послѣднія сами залѣзаютъ подъ кожу цыклопа (*Cyclops*—название рода; тоже микроорганизмъ, полупрозрачный и едва замѣчаемый глазомъ въ чистой водѣ); съ нимъ попадаютъ въ желудокъ чело-вѣка съ выпитой водой, гдѣ,

приходится невольно удивляться, какъ можетъ существовать цѣлые вѣка и процвѣтать городъ съ такимъ невѣроятно дурнымъ удовлетвореніемъ пасущнѣйшей потребности человѣка—въ водѣ!

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся освѣтить нѣсколько этотъ вопросъ въ связи съ описаніемъ общаго санитарнаго состоянія города. Здѣсь же скажемъ нѣсколько словъ о колодцахъ, такъ какъ читающему наше описаніе, безъ сомнѣнія, приходила въ голову мысль о нихъ. Въ Бухарѣ имѣется довольно много колодцевъ и намъ приходилось пробовать воду болѣе или менѣе горько-соленую; немногіе употребляются для поенія лошадей и скота, жители же съ этою водою, повидному, никакъ не могутъ освоиться: они не прибѣгаютъ, кажется, къ ней даже во время истощенія воды въ хаузахъ. Причина столь дурнаго качества воды въ колодцахъ обща не только для города Бухары, но и для всѣхъ окрестностей, а именно: сильно солонцеватый составъ почвы (1). Приходилось слышать отъ опытныхъ туземцевъ, что вновь отрываемые колодцы если и давали иногда сначала прѣсную воду, то затѣмъ обыкновенно портились, обращаясь въ горько-соленые.

Это свойство почвы, оставляющее мало шансовъ на существованіе хорошаго колодца съ прѣсною водою, можетъ быть отбиваетъ охоту у жителей искать ихъ. Въ заключеніе, однако, слѣдуетъ сказать, что намъ извѣстенъ въ городѣ Бухарѣ одинъ прѣсный колодецъ, расположенный близъ Мазарскихъ воротъ, во дворѣ телеграфной станціи: вода изъ него на вкусъ весьма хороша и, насколько извѣстно, не вліяетъ дурно на состояніе здоровья пользующихся ею. Вслѣдствіе того, что этотъ колодецъ очень неглубокъ (къ сожалѣнію, цифра не удержалась въ памяти), мы склонны приписать существованіе его близости Шаруда, вода изъ котораго, просачиваясь въ почву, можетъ быть образуетъ въ нѣкоторомъ родѣ подземный

вѣроятно, оплодотворяются; затѣмъ самцы погибаютъ, а самки проникаютъ стѣнки желудка и постепенно достигаютъ подъ кожу, гдѣ и развиваются (Изложено по Федченкѣ).

(1) Въ хорошо культивированныхъ мѣстахъ это незамѣтно, такъ какъ поверхность земли опрѣснена въ значительной степени и опрѣсняется постоянно орошеніемъ—водой Зеравшана, но стоитъ только забросить пашню на два, на три года и она опять покроется бѣлой солонцеватой корой, т. е. влага, тѣмъ или инымъ путемъ попавшая въ почву, растворяетъ нѣкоторое количество солей изъ почвы, подымаетъ ихъ въ растворѣ на поверхность и, испаряясь, осаждастъ тутъ. Отчего солевыхъ отложеній всегда больше у подошвы кургановъ, въ канавкахъ, впадинахъ и вообще въ болѣе низменныхъ мѣстахъ, куда скопляется больше воды.

басейнъ, изъ котораго имѣется выходъ (дренажъ) въ упомянутый колодець.

Мы подробно остановились на описаніи водоснабженія города Бухары по той причинѣ, что на первый взглядъ можетъ показаться, что вопросъ о принужденіи города Бухары къ сдачѣ равносилень отведенію воды Шаруда. Это не совсѣмъ такъ: не пустить воду въ Шарудъ, когда придетъ одна, да и другая очередь ея, безъ сомнѣнія, представить большое бѣдствіе для города; но, во-первыхъ, бухарцы въ значительной мѣрѣ приспособились къ нему; во-вторыхъ, можетъ быть есть еще, или будетъ отыскано, нѣсколько колодцевъ, въ родѣ упомянутаго у Мазарскихъ воротъ; въ-третьихъ, можно рыть колодцы на днѣ хаузовъ до нѣкоторой глубины, т. е. пока они не приобретутъ горько-соленаго вкуса изъ почвы; наконецъ, можно пользоваться нѣкоторыми лучшими изъ существующихъ солонцеватыхъ, — все это, вмѣстѣ взятое, можетъ оттянуть на значительное время сдачу города; а потому на отведеніе воды Шаруда нужно смотрѣть какъ на сильное вспомогательное средство при тѣсной блокадѣ, если для этой послѣдней есть время и средства, какъ на очень дѣйствительную репресію при случаѣ и надобности, но во всякомъ случаѣ не какъ на *conditio, sine qua non* немедленной сдачи города при какихъ бы то ни было условіяхъ.

Санитарный очеркъ. Для полноты картины отрицательныхъ сторонъ санитарнаго состоянія города Бухары къ описанію условія пользованія водой нужно прибавить еще, что онъ населенъ очень густо и тѣсно, что въ городѣ содержится очень много лошадей, что высокая стѣна представляетъ большую преграду для обмѣна и протеканія воздуха, образуя нѣчто въ родѣ ящика, что въ городѣ сравнительно очень мало растительности, что водостоковъ, разумѣется, никакихъ нѣтъ, кромѣ тѣхъ же арыковъ и каналовъ, приносящихъ воду для питья, что нѣтъ почти никакой наружной или явной полиціи, а потому по улицамъ ходитъ постоянно много ужасныхъ по своему опаршивѣлому виду собакъ, часто встрѣчается падаль и проч., что въ срединѣ города, подъ арками мечети Гаукушанъ, выходящими на набережную Шаруда, и на этой набережной (преграждаемой съ одного конца минаретомъ) нашли себѣ пріютъ прокаженные, выходящіе со своими деревянными чашками за милостыней на другую сторону того же Шаруда, на большую улицу и т. д. Если ко всему этому принять во вниманіе образъ жизни туземцевъ, примитивный и во многихъ отношеніяхъ негигіеничный самъ по себѣ, то естественно ожидать въ городѣ Бухарѣ особенной болѣзненности и

смертности. Однако, это далеко не замѣчается; даже, наоборотъ, жители низменныхъ окрестностей страдаютъ несравненно въ большей степени отъ лихорадки, чѣмъ въ городѣ. Воздерживаемся сказать что нибудь положительное объ эпидеміяхъ, однако, что касается до послѣдней (инфлуэнцы), то, во-первыхъ, она появилась въ городѣ Бухарѣ много времени спустя послѣ того, какъ уже свирѣпствовала въ городахъ и селеніяхъ къ сѣверу, къ востоку и къ югу и, во-вторыхъ, не произвела, повидимому, тѣхъ опустошеній, какъ, напри- мѣръ, въ городѣ Карши, и какъ тѣ, что были въ нѣкоторыхъ селе- ніяхъ между Бухарой и Ката-Курганомъ, судя по размѣрамъ видѣн- ныхъ нами свѣже насыпанныхъ кладбищъ и по рассказамъ жителей.

Разгадка такого явленія заключается въ постоянной системати- ческой очисткѣ города отъ навоза, нечистотъ, уличнаго мусора и прочихъ отбросовъ. Такъ какъ вся, рѣзко очерченная, площадь го- рода представляетъ собою большого паразита, питающагося на счетъ окрестностей, то жители этихъ окрестностей должны были довести производительность своей земли до возможно высокой степени, для чего естественно нуждались и нуждаются въ громадныхъ количе- ствахъ удобренія, которое въ разныхъ видахъ и доставляетъ городъ. Наземъ поэтому является цѣннымъ предметомъ необходимости. Въ городской стѣны, въ нѣсколькихъ мѣстахъ существуютъ большія или меньшія площади, куда онъ свозится, гдѣ сортируется и рас- предѣляется въ кучки и въ высокія правильныя грядки, и откуда продается землевладѣльцамъ, садоводамъ и проч., представляя сво- его рода базары съ мелочной и оптовой торговлей. Никто не вы- брасываетъ назема зря, но систематически занимаются этимъ дѣ- ломъ, разумѣется, люди бѣднѣйшаго класса населенія, которые еже- дневно, обыкновенно утромъ, тщательно подметають улицы, скла- дываютъ эти кучки сора, пыли и назема въ плетеные мѣшки на иша- ковъ и увозятъ за городъ. Также увозится большею частью еже- дневно соръ съ дворовъ, подметаемый лишь жильцами въ кучки. Соображаясь, вѣроятно, съ таковою потребностью, устраиваются въ городѣ Бухарѣ почти всѣ отхожія мѣста: они представляютъ собою обыкновенно длинныя (3—5 фут.) ямки, шириною не больше 1 фут., глубиною до 2 фут. (часто всѣ размѣры много меньше), вырывае- мыя въ назначенныхъ для сего помѣщеніяхъ просто въ землѣ безъ всякихъ почти приспособленій: содержимое этихъ ямокъ раза два въ недѣлю засыпается подметаемымъ соромъ. Одна изъ каркасныхъ стѣнокъ такого помѣщенія обыкновенно выходитъ или въ общій (не внутренній) дворъ или даже на улицу; въ этой стѣнкѣ имѣется

или дверка или иное отверстие, легко открываемое и закладываемое; через эти-то отверстия являются, смотря по надобности, упомянутые очистители съ запасомъ уличнаго сора и пыли, смѣшиваютъ его съ нечистотами, образуя компостъ—массу очень густую и совершенно безъ запаха, — накладываютъ ее, уже какъ обыкновенно, на ишаковъ и увозятъ. На всю эту процедуру требуется не больше одного часа, причемъ не распространяется никакого зловонія и не доставляется никакого безпокойства жителямъ.

Встрѣчаются еще отхожія мѣста, гдѣ площадка съ отверстиемъ, на которой становятся, возвышена надъ ямкой, а эта послѣдняя по просту открыта съ улицы; оттуда же засыпается и очищается (1).

Такой способъ очистки и дезинфекціи города практикуется, по видимому, очень давно—уже вѣка—и вошелъ въ плоть и кровь населенія; а будучи и по происхожденію своему естественнымъ и непринудительнымъ, онъ почти не подверженъ неисправностямъ и не требуетъ никакой инспекціи.

Доказательствомъ давности примѣненія этихъ порядковъ въ городѣ Бухарѣ, кромѣ словесныхъ показаній, служить, съ одной стороны, то общее всему городу явленіе, что полотно его улицъ болѣе или менѣе понижено противъ поверхности земли; въ срединѣ города это пониженіе значительно больше, чѣмъ у окраинъ; въ центрѣ города мѣстами оно настолько значительно, что участки между двухъ смежныхъ улицъ превращаются нѣчто въ родѣ отдѣльныхъ бугровъ. Мы полагаемъ, что это результатъ почти ежедневнаго въ продолженіе столѣтій подметанія улицъ (2). Съ другой стороны, эта вогнутая естественная поверхность улицъ очень тверда и прочна несмотря на чрезвычайно оживленное движеніе по улицамъ, въ самое ненастное время года лошади, верблюды и арбы не дѣлаютъ въ городѣ Бухарѣ такихъ выбоинъ, колеи, ступеней и проч.; какъ всюду въ средне-азиатскихъ городахъ. Намъ почти не приходилось также встрѣчать на улицахъ зловонныхъ лужъ и никогда не просыхающей грязи. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ низ-

(1) Замѣтимъ здѣсь кстати, что мусульмане въ Средней Азійи вмѣсто бумаги употребляютъ комочки сухой глины; сухая же земля, какъ извѣстно, отличается прекрасными дезинфицирующими свойствами. Чрезвычайно интересна параллель между описаннымъ нами здѣсь примитивнымъ способомъ устройства ретгарадовъ и новѣйшими усовершенствованіями ихъ (земляной системы) въ западной Европѣ (система Муля и др.).

(2) Этому же обстоятельству мы приписываемъ отчасти легко видимое дѣленіе средней возвышенной части города на нѣсколько холмовъ, о чемъ сказано въ самомъ началѣ.

менные еврейскіе кварталы, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ хватаешься за нось и погоняешь лошадь, чтобы выбраться скорѣе изъ душливой атмосферы. Оправданіемъ и здѣсь въ большей степени служить преобладаніе тамъ красильнаго ремесла. Нужно упомянуть еще, пожалуй, о ямахъ, куда стекаетъ грязная вода изъ бань: онѣ всегда вонючи, немного превосходя въ этомъ отношеніи самыя бани. Вообще же, въ городѣ запаховъ разныхъ и вони сравнительно очень мало. Мы замѣтили раньше, при описаніи водоснабженія, что хаузы, арыки и Шарудъ къ концу ожиданія новой воды, издають (особенно лѣтомъ) вредный и непріятный запахъ: ну, тогда, дѣйствительно, во всей Бухарѣ дышать трудно.

Итакъ, при суммѣ тѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, которыя свойственны городу Бухарѣ, санитарное состояніе ея можно признать, пожалуй, даже удовлетворительнымъ и приписать это нужно, прежде всего, постоянной и систематической очисткѣ города и естественному участию въ этомъ дѣлѣ всего населенія. Другой причиной, хорошо влияющей на санитарное состояніе города Бухары, является возвышенное положеніе его середины.

Заключая этотъ очеркъ, отмѣтимъ, что бичъ большихъ городовъ—отхожія мѣста—здѣсь служитъ источникомъ благосостоянія окрестнаго населенія, возвышая качество и стоимость земли его до необычайно высокихъ предѣловъ, напримѣръ, до 2,000 руб. и даже до 3,000 руб. за десятину поля. На эти цѣны, можетъ быть, имѣетъ еще влияніе большое, изъ года въ годъ увеличивающееся, количество кладбищъ кругомъ города, о которыхъ мы говорили раньше, постепенно стѣсняющихъ пашни: тутъ за нѣсколько квадратныхъ аршинъ священнаго мѣста платятся будущими покойниками иногда большія деньги.

Народонаселеніе. Такъ какъ улицы города Бухары очень узки, нѣтъ почти площадей и садовъ, дворы очень маленькіе, то оказывается, что въ немъ бѣлая, чѣмъ въ другихъ городахъ, часть площади города занята жилыми постройками. Если къ этому прибавить, что въ городѣ Бухарѣ замѣчается особенно много двухъ, трехъ-этажныхъ построекъ, занимающихъ мѣстами цѣлыя улицы и лошади, то это даетъ право сдѣлать заключеніе, что городъ Бухара, по сравненію съ другими городами, особенно Средней Азіи, населенъ очень густо. Мы не имѣли, разумѣется, никакой возможности получить свѣдѣнія о численности этого населенія, такъ какъ считать правовѣрный народъ (слѣдовательно и женщинъ, и дѣтей) по

меньшей мѣрѣ предосудительно и неприлично кому бы то ни было (1). Однако, на основаніи собранныхъ нами матеріаловъ, мы опредѣляемъ число жителей въ городѣ Бухарѣ около 50,000 человекъ и ни какъ не болѣе 70,000 человекъ (2). Населеніе города преимущественно торговое, а потому по внѣшнему впечатлѣнію на базарѣ чрезвычайно разнообразно. Главную массу составляютъ узбеки и таджики (иранцы); хотя они и перемѣшаны, но, кажется, узбеками заселена преимущественно восточная часть, а иранцами—западная. Глухой антагонизмъ между воинственными пришельцами—узбеками (монгольского племени) и культурными аборигенами иранцами (арійскаго) не прекращается до сихъ поръ; а приглушила его не общая религія—исламъ, а общая опасность и общій врагъ—мы, русскіе. Въ городѣ Бухарѣ еще очень много евреевъ, но не европейскихъ, а своихъ собственныхъ. Занимаютъ они кварталы города, прилегающіе преимущественно къ южнымъ участкамъ городской стѣны, отъ воротъ Салли-ханэ до Каракульскихъ. Большинство занимается красильнымъ ремесломъ, уступая пальму первенства въ мелкомъ ростовщичествѣ индѣйцамъ, которые поголовно имѣютъ реномэ кровопійцъ. Тѣ и другіе пользуются большимъ презрѣніемъ у туземцевъ—мусульманъ, первые же, т. е. евреи, до послѣдняго времени были, видимо, даже подъ нѣкоторымъ гнетомъ; до сихъ поръ для евреевъ въ Бухарѣ существуетъ особый костюмъ, состоящій изъ плохонькой черной барашковой шапки съ четырехъ-угольнымъ сѣраго коленкора приподнятымъ верхомъ, такого же сѣраго въ мелкія полоски длиннаго халата и веревки вмѣсто пояса. Отъ этого ни

(1) Одинъ бывалый бухарецъ, очень много путешествовавшій, заявилъ, что самый большой городъ въ свѣтѣ—Константинополь (Истамбуль), въ немъ и жителей больше всего, а второй затѣмъ Бухара-и-шерифъ и что жителей въ немъ три ляка, пожалуй, будетъ. Лякъ=100,000.

(2) Намъ представилась возможность опредѣлить приблизительно: 1) площадь и населеніе участка, занятаго постройками и внутренними двориками, гдѣ жила семейная прислуга «Ильчи-ханэ» посольскаго дома, пользовавшаяся весьма различнымъ общественнымъ положеніемъ и достаткомъ; 2) площадь и число обитателей въ домѣ одного знакомаго бухарца средняго общественнаго положенія и 3) площадь и число обитателей въ одномъ ближайшемъ мадраса и въ двухъ большихъ караванъ-сараяхъ. Кроме того, для опредѣленія количества населенія въ г. Бухарѣ мы пользовались нѣкоторыми приблизительными опредѣленіями на глазъ, распросными матеріалами, сравненіемъ съ плотностью населенія другихъ городовъ Средней Азіи и проч. Впрочемъ, должны упомянуть, что полученный результатъ для насъ самихъ явился весьма неожиданнымъ: цифра 50,000 человекъ показалась крайне малою; какъ уступку такому впечатлѣнію, мы даемъ другой максимальный предѣлъ—въ 70,000 человекъ. Подъ городомъ мы, разумѣется, имѣемъ въ виду только площадь, ограниченную городской стѣной.

одинъ еврей не смѣетъ отступить и до сихъ поръ; много между ними есть людей очень богатыхъ, купцовъ, особенно занимающихся торговлей деньгами, комисіонерствомъ и проч.; они имѣютъ лучшія частныя дачи (къ востоку отъ воротъ Салли-ханэ), пользуются большимъ вліяніемъ въ торговомъ мірѣ, однако и они, разодѣтые дома въ шелкъ или дорогіе мѣха (зимою), надѣваютъ, выходя на улицу, легкій, но тягостный костюмъ и опоясываются веревкой; а если ѣдутъ верхомъ, то должны слѣзать съ лошади при встрѣчѣ со всякимъ бухарскимъ чиновникомъ или почетнымъ лицомъ. Они по этому, кажется, всегда ходятъ пѣшкомъ. Можетъ быть, впрочемъ, имъ и совсѣмъ запрещена ѣзда верхомъ.

Еврей въ глазахъ бухарцевъ представляютъ элементъ неблагонадежный; безъ сомнѣнія, они желаютъ и ждутъ замѣны настоящаго правительства въ Бухарѣ русскимъ; можетъ быть, готовы были бы даже на активное содѣйствіе...

Въ средѣ торговцевъ, космополитовъ, есть много людей очень бывалыхъ, умныхъ и многознающихъ; они лучше, чѣмъ кто бы то ни было знаютъ истинную цѣну не только вещамъ, но и дѣламъ, и обстоятельствамъ. Мы полагаемъ, что лучшій матеріалъ для рѣшенія, какъ поступить и что дѣлать съ городомъ Бухарой въ томъ или другомъ случаѣ, могутъ дать именно они; они, вѣроятно, и не будутъ оставлять своихъ мнѣній при себѣ, если умѣло ихъ спрашивать.

Общій внѣшній видъ города. Всего вышеизложеннаго, однако, далеко недостаточно для того, чтобы составить себѣ надлежащее представленіе о томъ, что такое городъ Бухара. Мы поэтому считаемъ необходимымъ передать, по возможности, то общее по внѣшности впечатлѣніе, какое, по нашему мнѣнію, онъ долженъ дѣлать на путешественника или изслѣдователя, предполагая, что эта часть работы нашей не будетъ лишней даже въ интересахъ спеціальной стороны нашей задачи.

Городъ Бухара по своему внѣшнему виду очень близокъ къ типу средне-азіятскаго большаго города. Вслѣдствіе его мѣстныхъ и историческихъ условій всѣ особенности большихъ городовъ Средней Азіи ⁽¹⁾ являются здѣсь особенно яркими, усиленными въ томъ или другомъ направленіи, или въ особенно чистомъ видѣ, а именно: улицы такія же узкія и кривыя, но мѣстами масса переулковъ производитъ такой лабиринтъ, какой едва-ли гдѣ можно встрѣтить, и

(1) Пишущему эти строки привелось быть почти во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Кульджинскаго района, Сыръ-Дарьинской, Семарьченской, Ферганской и Самаркандской областей и Бухарскаго ханства по Зеравшану.

откуда выбраться безъ провожатаго очень трудно. Жилые дома, какъ и въ другихъ туземныхъ городахъ, тоже безъ оконъ на улицу и съ рѣдкими маленькими калитками, но вслѣдствіе большой скученности населенія встрѣчаются длинныя улицы, ограниченныя съ обѣихъ сторонъ двухъ и даже трехъ-этажными мертвыми стѣнами и производящія при своей узкости гнетущее впечатлѣніе на непри-вычнаго путника. О плоскихъ крышахъ мы упоминали. Крытые базары здѣсь встрѣчаются не только короткими участками, а занимаютъ въ срединѣ города цѣлыя квадратныя версты, а по высотѣ и прочности перекрытій, мѣстами сводчатыхъ, представляютъ сооруженія незаурядныя. Содержимое этихъ базаровъ является также во многихъ отношеніяхъ типическимъ для всей Средней Азіи: шелковые ряды отличаются единственнымъ въ своемъ родѣ разнообразіемъ и качествомъ издѣлій. Въ мѣдныхъ рядахъ можно найти много оригинальныхъ и красивыхъ вещей и для европейца, а оглушающій стукъ и звонъ отъ работы, производящейся тутъ же, вполне соответствуетъ громкой славѣ мастеровъ. Халатнымъ рядамъ, напротивъ того, свойственна всегдашняя тишина, спокойствіе и даже торжественность; къ этому приводитъ, можетъ быть, уже одинъ видъ халатовъ, надѣваемыхъ самыми высшими сановниками ханства; потребность въ такихъ халатахъ, различныхъ на десятки чиновъ и ранговъ, имѣющаяся только въ городѣ Бухарѣ, дѣлаетъ эти ряды не похожими на однородные во всякомъ другомъ мѣстѣ. Ряды сладостей и лакомствъ мѣстнаго производства удивляютъ своей величиной и количествомъ; невольно думается, кто съѣстъ всю эту гадость, состоящую преимущественно изъ сахара и сала, ибо она требуетъ частаго обновленія, чтобы не испортиться!? Въ оружейныхъ и ножевыхъ рядахъ большое разнообразіе и смѣшеніе старыхъ и новыхъ издѣлій, между которыми много нашель бы интереснаго для себя археологъ и коллекторъ. А мѣнялы-сарафы съ цѣлыми горками мелкаго серебра, сидящія съ поджатыми ногами на кошмахъ подъ сводами Чарсу, на распутіи среди базара: они составляютъ особый институтъ, вполне организованный, нѣчто въ родѣ европейскихъ биржъ, устанавливають ежедневный курсъ и проч. А чайные ряды у Ляби-хауза, мануфактурные и проч.— всего не перечестъ...

Такого количества бѣлыхъ чалмъ въ толпѣ на улицѣ и на базарахъ нельзя увидѣть ни въ одномъ городѣ восточнаго и западнаго Туркестана, какъ въ г. Бухарѣ; провѣрить это впечатлѣніе легко, взглянувъ на любую изъ фотографій, снимаемыхъ въ большомъ ко-

личествѣ за послѣднее время и привлекающихъ въ поле зрѣнія толпу зѣвакъ.

Мастерскія разныя, какъ и въ другихъ городахъ Средней Азіи, всѣ выходятъ на улицу, въ томъ числѣ и мельницы съ лошадиными приводами (которыхъ очень много въ г. Бухарѣ), маслобойни, чайханэ, ашъ-ханэ (кухмистерскія) и проч. Уличная жизнь на базарахъ и около нихъ, вслѣдствіе большаго скопленія народа, отличается какъ будто еще бѣльшимъ шумомъ и напряженностью, чѣмъ въ другихъ городахъ, и тѣмъ бѣльшій и разительный контрастъ представляетъ совершенная пустота улицъ и прекращеніе всякой жизни и дѣятельности на нихъ послѣ «намазъ-шамъ» (съ наступленіемъ темноты), тогда запираются городскія ворота; а послѣ «намазъ-куфтанъ», т. е. примѣрно въ 9 часовъ, въ городѣ уже всѣ должны спать: закрыты лавки и двери, темнота и тишина, нарушаемая мѣрными ударами уличныхъ сторожей въ бубны особаго рода.

Всякій, подѣзжающій къ г. Бухарѣ, въ первый разъ замѣтитъ еще издалека одну странность: всѣ купола, высокіе передніе шиты мечетей, верхушки минаретовъ, однимъ словомъ, всѣ высокія точки города увѣнчаны довольно однообразно чѣмъ-то сѣрымъ и безформеннымъ, въ родѣ гигантскихъ лепешекъ. Это аистовы гнѣзда. Намъ нигдѣ не приходилось видѣть ни такихъ размѣровъ, ни такого количества этихъ гнѣздъ, какъ тѣ, что висятъ надъ священной Бухарой. На голубомъ куполѣ главнѣйшей мечети города, «Масджиди-Келянъ», ихъ цѣлая колонія съ уступами отъ вершинъ свода, занимающая площадь, вѣроятно, съ добрый десятокъ квадратныхъ сажень. Причину такого явленія мы склонны видѣть въ томъ, что едва ли есть на свѣтѣ мѣсто, гдѣ бы гнѣзда этой благородной птицы были въ такой безопасности, какъ въ г. Бухарѣ; во-первыхъ, вѣроятно уже столѣтія прошли, что ни купола эти, ни минареты не ремонтировались; то-ли некому теперь за это взяться, то-ли аистовъ не хотятъ потревожить, а то, можетъ быть, никто изъ теперешнихъ мастеровъ и архитекторовъ бухарскихъ не знаетъ, какъ и попасть то на эти купола... и во-вторыхъ, въ обезпеченіе внутреннихъ жилыхъ дворовъ отъ нескромнаго взора сверху, въ Бухарѣ строжайше запрещается подыматься кому бы то ни было надъ крышами жилыхъ домовъ, и послѣдовательность бухарцевъ въ этомъ отношеніи по истинѣ замѣчательна; есть въ г. Бухарѣ нѣсколько высокіхъ минаретовъ, построенныхъ въ свое время, разумѣется, для того, чтобы съ высоты ихъ призывать правовѣрныхъ къ молитвѣ; однако, теперь

азанчи ⁽¹⁾ поднимаются только на ближайшую къ своей мечети невысокую крышу и оттуда вытягиваютъ только свои шеи, чтобы дальше слышенъ былъ ихъ призывъ; минареты же, какъ и многое другое въ Бухарѣ, стоятъ лишь нѣмыми свидѣтелями лучшаго прошедшаго. Такое ревнивое охраненіе надкрышнаго, такъ сказать, пространства, разумѣется, на руку умнымъ аистамъ, такъ какъ къ ихъ гнѣздамъ и близко никто не смѣетъ подойти.

Къ типическимъ особенностямъ города нужно отнести также большое количество мадраса и мечетей, отличающихся монументальнымъ характеромъ. Онѣ не составляютъ принадлежности какой нибудь одной части, а разбросаны по всему городу и почти всѣ болѣе или менѣе старинной постройки. Только двѣ, три изъ нихъ принадлежатъ нынѣшнему столѣтію, таково, напримѣръ, мадраса Рашидъ, имѣющее очень исправный по внѣшности видъ. Большинство же видимо клонится къ упаду, какъ и въ г. Самаркандѣ, будучи оставляемо безъ капитальной поддержки. Можно еще замѣтить, что грандіознѣйшія и важнѣйшія сооруженія въ г. Бухарѣ, какъ, напримѣръ, Мечеть-и-Келянъ ⁽²⁾ и Катта-Минарь, въ противоположность древнимъ самаркандскимъ постройкамъ, не отличаются такой красотой отдѣлки и блестящей орнаментацией, но построены несравненно прочнѣе и съ большимъ знаніемъ строительнаго дѣла; громадный куполь мечети Келянъ, несмотря на неблагоприятныя условія содержанія, до сихъ поръ совершенно цѣлъ, а башня Катта-Минарь въ много разъ большая, чѣмъ самаркандскіе минареты (сильно наклонившіеся), строго сохранила свое вертикальное положеніе и совершенно исправный внѣшній видъ. Въ свое время мадраса бухарскія были хорошо одарены вакуфами, но теперь доходовъ ихъ едва хватаетъ для нищенскаго содержанія учениковъ. При каждой мечети и мадраса, какъ и всюду, есть прудъ—необходимая принадлежность мѣста молитвы мусульманина. Всѣ эти мечети и мадраса, хотя и возведены исключительно изъ обожженнаго кирпича и имѣютъ много сводчатыхъ помѣщеній, и, несмотря на свои иногда громадные размѣры и оригинальность замысла, въ общемъ, какъ постройки, довольно плохи, но тамъ, говорятъ, обращается по рукамъ много книгъ прекрасныхъ, а въ этихъ книгахъ много «учености» въ классическомъ духѣ, много интересныхъ и «правдивыхъ» сказаній о блестящемъ, почти сказачномъ прошедшемъ страны и города...

(1) Призывающіе къ молитвѣ; то же, что мурзаны.

(2) Келянъ въ буквальной переводѣ значитъ большой или главный.

По наружной отделкѣ и количеству изразцовъ заслуживаютъ большаго передъ другими вниманія мадраса: Абдулла-ханъ и Мадара-ханъ, расположенныя другъ противъ друга, и Заргаранъ; по величинѣ и славѣ пользуются извѣстностью: мадраса Миръ-арабъ ⁽¹⁾, Кугальдашъ и друг. Есть еще хорошее мадраса, построенное на средства (40,000 руб.), подаренныя въ концѣ прошлаго столѣтія императрицей Екатериной II, извѣстное подъ названіе Мадраса-и-Назаръ-Ильчи по имени лица, правившаго посольство.

Говоря о постройкахъ, нельзя умолчать о караванъ-сараяхъ и «Чарсу», ими къ тому же еще характеризуется упомянутая типичность города Бухары. Караванъ-сарай представляютъ по характеру своему учрежденіе, имѣющее, вѣроятно, очень большое, если неполное, сходство съ московскими подворьями недавняго прошлаго, до желѣзнодорожнаго періода; идея-то, несомнѣнно, одна и та же. Занимаютъ они постройками обыкновенно большую площадь съ единственными воротами, съ дворомъ по срединѣ, нагромождены по периметру въ нѣсколько этажей и имѣютъ массу разнообразныхъ помѣщеній. Нижніе, одинъ или два этажа построены, обыкновенно, изъ обожженнаго кирпича со сводами и въ общемъ представляютъ сооруженія весьма удовлетворительныя, даже лучше, чѣмъ большинство такихъ же помѣщеній мадраса ⁽²⁾. Такъ какъ большіе караванъ-сарай расположены преимущественно среди базаровъ и не всегда имѣютъ по сосѣдству жилия помѣщенія, то на крышахъ ихъ можно часто замѣтить еще шалаши, палатки и открыто стоящія кровати, куда жильцы являюся только къ вечеру съ закатомъ солнца, а съ восходомъ отъ лучей его бѣгутъ опять внизъ.

Караванъ-сараявъ (большихъ) въ городѣ Бухарѣ около 20-ти. Большинство изъ нихъ очень специализировано по своему назначенію, а именно: тутъ есть хивинскій караванъ-сарай для каравановъ и приѣзжихъ изъ Хивы и обратно; тамъ всегда у воротъ и во дворѣ можно увидѣть много большихъ бараньихъ шапокъ и красноватыхъ въ мелкія полоски халатовъ, характеризующихъ внѣшность хивинца. Есть Гинду-сарай, гдѣ живутъ исключительно индѣйцы — не мусульмане; Ногай-сарай для татаръ; Пахта-сарай для хлопка и проч.

(1) Названа по имени жертвователя, богача въ г. Бухарѣ, но частнаго человека; построена, кажется, въ прошломъ столѣтіи.

(2) Общее замѣчаніе, относящееся до всѣхъ кирпичныхъ сооружений, заключается въ томъ, что сложены они не на извести: для большинства растворомъ служилъ мѣстный нечистый алебастръ съ примѣсью песка и глины.

«Чарсу» (1) представляет собой группу сводовъ, лежащую на нѣсколькихъ большихъ столбахъ или пилонахъ и всегда расположенную на перекресткѣ, или раздорожіи. Такихъ сооружений въ городѣ, кажется, только четыре, кои и показаны на планѣ. По разрѣзкѣ своды могутъ быть названы полными парусными; средняя же часть группы сводовъ, такъ называемая «скуфья», оканчивается всегда на верху небольшимъ барабаномъ, служащимъ и фонаремъ и отдушной. Промежутки между наружными столбами забраны стѣнками и образуютъ ниши, въ которыхъ, а равно кругомъ внутреннихъ столбовъ, устроены различныя лавки, производится открытая торговля, сидятъ мѣнялы и проч. Все это составляетъ очень пеструю картину, а съ крытыми коридорами (улицами) лавокъ, уходящими вдаль, во всѣ стороны, и наполненными шумящимъ и волнующимся народомъ, при умѣренномъ освѣщеніи сверху, Чарсу производить очень оригинальное и неизгладимое впечатлѣніе.

Непривычнаго посѣтителя города Бухары могутъ еще иногда поразить странные, скрипучіе, трубные звуки, раздающіеся вдругъ на высотѣ крыши безъ всякой видимой причины и послѣдствій. Это своеобразное объявленіе о томъ, что баня сейчасъ истоплена и приглашаетъ посѣтителей. Но самыя бани бухарскія столь плохи, а иногда и отвратительны, что не стоятъ описанія; какъ постройки, они тоже ниже всякой критики, а потому часто портятся, что также объявляется упомянутыми трубными звуками, но на этотъ разъ въ нѣсколько рожковъ или пицалокъ, создающихъ такую ужасную какофонію, что и безъ объясненія можно догадаться, что случилось глѣ-то, что-то неладное, хоть и неважное.

Выше мы сказали, что всѣ безъ исключенія бугры и курганы, какъ въ городѣ, такъ и окрестные, ближайшіе къ нему, заняты кладбищами, но этого мало: каждыя, кто внимательно осматривалъ городъ Бухару и заглядывалъ въ открытыя иногда двери и ворота наружныхъ дворовъ, поражаетъ необыкновенно большое количество кладбищъ въ городѣ и, кромѣ того, отдѣльныхъ могилъ во дворахъ. Прежде, когда-то, говорятъ, фамильная усыпальница почтеннаго рода всегда находилась во дворѣ собственнаго дома; но накопленіе этихъ домашнихъ кладбищъ принудило, наконецъ, правительство запретить хоронить кого бы то ни было въ чертѣ города; съ того времени всѣ городскія кладбища заглохли и прекратили свою

(1) Чарсу — персидское слово, въ буквальномъ переводѣ значить четыре стороны.

дѣятельность (1). Но домовыя могилы и безъ новыхъ покойниковъ служили иногда предметомъ нѣкоторой заботливости добрыхъ родственниковъ, а затѣмъ иныя изъ нихъ понемногу съ того времени украсились и «туками» (2), чѣмъ еще больше увеличили святость самаго города, вмѣщающаго въ нѣдрахъ своихъ столько праведниковъ. Если около такой могилы, по счастливому ея положенію, циркулируетъ толпа, то являются постепенно на ней рога барановъ и козловъ, безчисленныя тряпки на осѣняющихъ деревьяхъ, затѣмъ шейхъ, поборы и проч... все, «какъ слѣдуетъ по шаріату».

Есть еще, помнится, въ Бухарѣ гдѣ-то цѣлебный ключъ, или вода; вѣроятно есть еще священный камень и проч. Но ни монументовъ, ни памятниковъ, ни чудотворныхъ изображеній никакихъ не имѣется; они не въ духѣ чистаго мусульманства Средней Азіи.

До сихъ поръ мы описывали такія черты города Бухары, которыя въ большей или меньшей степени могутъ быть свойственны городамъ Туркестана, находящимся подъ непосредственной русской властью и управленіемъ. Только краткое описаніе кремля, упоминаніе о бухарской монетѣ и ея курсѣ, о бухарскихъ чинахъ и рангахъ и о порядкахъ при городскихъ воротахъ несомнѣстимы съ понятіемъ о русской власти.

Намъ слѣдуетъ перейти теперь къ описанію главной особенности города Бухары, зависящей отъ того, что ею править своя высшая, мусульманская власть—эмиръ, «повелитель правовѣрныхъ», а закономъ служить «шаріатъ». Это обстоятельство въ общемъ, пожалуй, мало измѣняетъ знакомый намъ внѣшній видъ туземной городской жизни, но придаетъ всему особую краску и отпечатокъ, совершенно незнакомые тому, кто не наблюдалъ и не испыталъ этого лично.

Въ этой части описанія мы коснемся нѣкоторыхъ духовныхъ сторонъ теперешней жизни бухарскаго народа; съ краткой характеристикой въ этомъ направленіи и начинаемъ.

Въ бухарскомъ *кремль* отъ прежняго могущества и величія остался лишь титулованный эмиръ—обломокъ бывшей блестящей оболочки, а съ нимъ и за нимъ десятки чиновъ и ранговъ, столько же званій и должностей (3), парчевые халаты, дворцовый этикетъ и проч.

(1) Покойный эмиръ Музаффаръ-Эддинъ похороненъ, однако, какъ и его предки, внутри города на кладбищѣ, почти примыкающемъ къ Ильчи-ханѣ съ юго-востока.

(2) Тукъ—пестъ съ хвостомъ (лошадинымъ), воздвужаемый надъ могилами святыхъ и праведниковъ, мусульманъ.

(3) Интересующійся табелью о бухарскихъ рангахъ найдетъ много свѣдѣній у Н. Ханыкова, въ «Описаніи Бухарскаго ханства». Мы съ своей стороны могли бы сообщить весьма мало сверхъ того, а потому не повторяемъ этихъ данныхъ.

Въ бухарскомъ *народѣ* отъ того же прошедшаго остались до-рогія преданія, которыя, то въ устныхъ разсказахъ, то въ книгахъ, бережно сохраняются и распространяются радѣтелями ислама и, естественно при этомъ, въ облагороженномъ и преувеличенномъ видѣ.

Мы выяснили уже въ историческомъ очеркѣ, какую счастливую почву для своего развитія и, такъ сказать, усовершенствованія нашелъ исламъ въ Средней Азіи, особенно за послѣдніе три вѣка, свободные отъ нашествія. Мы видѣли, съ какимъ необыкновеннымъ увлеченіемъ и искренностью изучались и рѣшались здѣсь всѣ вопросы моральнаго разряда, можно сказать даже, что они здѣсь уже рѣшены всѣ съ возможной полнотой и окончательно. На всѣ вопросы житейскіе и нравственные имѣются готовые отвѣты; пытливость не возбуждается; внѣшнія всѣ детали, какъ государственной и дворцовой жизни, такъ и частной, разработаны до мельчайшихъ подробностей. Результаты всей этой работы, несмущаемой и нетревожимой внѣшними вліяніями въ продолженіи многихъ лѣтъ, проникли глубоко въ сознаніе всего населенія, какъ правящагося, такъ и управляемаго, вошла въ плоть и кровь его и составляютъ ту своеобразную его культуру, съ которой постоянно нужно считаться, какъ съ силой, которой многіе и во многомъ невольно подчиняются и которой могутъ не замѣтить только тѣ поверхностные наблюдатели, которые бухарскаго, ходжентскаго или кокандскаго земледѣльца, заурядъ со всѣми, называютъ «дикими азіатами». Правящіе классы, безъ сомнѣнія, подавлены сознаніемъ нашей силы, поражены во многихъ отношеніяхъ нашими знаніями и умѣніями; это для нихъ большею частью новые вопросы, но и только: нравственнаго превосходства нашего они въ душѣ не признаютъ, ибо не чувствуютъ.

Безъ сомнѣнія, всякая напыщенная внѣшность, если она не соотвѣтствуетъ содержанію, смѣшна, но въ данномъ случаѣ нужно помнить, что сознаніе этого несоотвѣтствія проникло въ весьма еще немногія головы бухарскихъ «сановниковъ». Смѣшенъ по этому важный видъ большинства ихъ, привѣтствія, банальныя фразы о здоровьи и проч., но этого уже никакъ нельзя сказать о необыкновенной выдержкѣ и самообладаніи этихъ самыхъ сановниковъ, о ихъ своеобразномъ воспитаніи, если они захотятъ, или если должны быть вѣжливыми. Серьезность и искренность участниковъ всѣхъ церемоній и вліяніе этой обстановки настолько сильно, что всякій официальный «гость», попавшій въ нее съ переѣзда границы за Катта-Курганомъ, терялъ какъ-то свою самостоятельность и

инициативу и беспрекословно подчинялся установившемуся ритуалу. Чѣмъ ближе дѣло подходитъ къ городу Бухарѣ и къ представленію самому эмиру, тѣмъ увеличивается серьезность на лицахъ и въ дѣйствіяхъ гг. чиновниковъ и сановниковъ тѣмъ невольнo напряженнѣе становится отношеніе къ окружающему и вниманіе самаго гостя; во дворцѣ разговоры ведутся уже шопотомъ; наконецъ, на пути торжественнаго слѣдованія отъ послѣдней остановки, уже почти предъ лицомъ самаго Джанаби-али два «удайчи» (сановника) подхватываютъ неуспѣвающаго опомниться «гостя» подъ руки, увлекаютъ его по коврамъ въ быстро открывающіяся двери предъ лицо его высокостепенства и тутъ произносятъ цвѣтистое и льстивое привѣтствіе отъ имени представляющагося... По этикету такъ и полагается, что «гость» ошеломленъ и не можетъ слова вымолвить. Потомъ, нѣсколько времени спустя, многое изъ того, что приходилось продѣлать, представлялось смѣшнымъ, а кое-что, можетъ быть, и обиднымъ для самолюбія и нравственнаго чувства, но, странное дѣло, по этой скользкой колеѣ катились одинаково безъ запинки люди, завѣдомо самостоятельные и непосредственные.

Постепенно весь этотъ этикетъ и дикіе на нашъ взглядъ порядки упрощались: не стали удайчи подхватывать гостей подъ руки, перестали сами гости черезъ всѣ залы и дворы пятиться задомъ, перестали, наконецъ, получать и пресловутые «халаты» и проч., но для этого требовалось много времени и нравственныхъ усилій массы слѣдующихъ одинъ за другимъ русскихъ представителей, требовалось постепенно отвоевывать разныя уступки; отдѣльно же никому изъ нихъ при всемъ добромъ желаніи и энергіи пожалуй не удалось бы достигнуть этого сразу; а насилія не допускалось.

Встрѣчаются, хотя и рѣдко, мнѣнія, что бухарцы относятся дружественно къ намъ русскимъ, очень преданы, или ждутъ замѣны своего правительства русскою властью и т. п. Такого рода сужденія совершенно ошибочны. О настроеніи ихъ въ отношеніи насъ можетъ дать понятіе слѣдующее примѣрное описаніе той обстановки на улицахъ города, въ которой приходилось, безъ сомнѣнія и безъ исключенія, бывать много разъ «гостямъ» эмира. Мы будемъ имѣть въ виду лишь почетныхъ гостей, т. е. лицъ, офиціально командированныхъ русскими властями въ городъ Бухару, которые находились въ привилегированномъ положеніи, которыхъ постоянно сопровождали и охраняли отъ всякой неприятности особо приставленные чиновники и проч.

Вотъ, впереди ѣдетъ верхомъ какой нибудь джевачи или чуга-

расы (въ важныхъ случаяхъ ихъ нѣсколько и чины выше), расчищаетъ словомъ и дѣломъ (пагайкой) дорогу и заботится, чтобы ничто не остановило кортежа почетнаго «гостя». Въ нѣсколькихъ саженьяхъ за этимъ провожатымъ слѣдуетъ самъ «гость» съ переводчикомъ и ассистентами, если есть, а за ними свита сановниковъ, назначенная по этикету эмиромъ. Въ концѣ ѣдетъ казачій конвой и джигиты. Такая «тамаша» (1) случается на улицѣ не каждый день, а потому обращаетъ на себя вниманіе всего люда, встрѣчаемаго или сидящаго въ лавкахъ и мастерскихъ по сторонамъ. При этомъ на каждомъ шагу повторяется одна и та же сцена: съ приближеніемъ передняго провожатаго всѣ встаютъ съ мѣста (онъ вѣдь чиновникъ), или останавливаются и привѣтствуютъ его съ обычными поклонами и «селямъ-алейкумъ», съ приближеніемъ «почетнаго гостя» всѣ также согласно садятся или принимаютъ самыя непочтительныя позы; но, какъ только проѣхали мимо «урусы» и стали приближаться халатные сановники, такъ мгновенно преобразуются и позы и выраженія лицъ и вновь громко сыпятся привѣтствія. Сановники, съ высоты своихъ коней, разумѣется, не обращаютъ никакого вниманія на толпу и ея привѣтствія, можетъ быть, для вящаго поддержанія своей важности и достоинства. Русскіе всякихъ служебныхъ положеній, напротивъ, охотно отвѣчаютъ на поклоны рѣдкихъ и случайныхъ встрѣчныхъ туземцевъ русскаго подданства и лично извѣстныхъ; только упоминаемые раньше бухарскіе евреи рѣшаются иногда кланяться намъ на базарѣ, не будучи даже знакомыми. Привѣтливое отношеніе русскихъ, обставленныхъ иной разъ даже весьма пышно, не служитъ соблазномъ для этой толпы: она явно жаждетъ вниманія своихъ, самыхъ мелкихъ представителей власти и высказываетъ столь же явно и наглядно свое неуваженіе и, можно сказать, презрѣніе къ русскимъ «гостямъ эмира». Можно быть увѣреннымъ, что такой ретивости, явнаго пренебреженія—отъ толпы никто не требуетъ: она (ретивость) часто доставляетъ даже большія хлопоты и непріятности властямъ, если перейдетъ границы терпѣнія и списхожденія русскаго гостя. Описанныя сцены повторяются такъ постоянно и повсемѣстно, что не оставляютъ сомнѣній для правильнаго ихъ толкованія. Можемъ еще прибавить, что частнымъ лицамъ, попадавшимъ еще очень недавно въ городъ Бухару и не пользовавшимся болѣе или менѣе внушительной охраной туземныхъ властей, часто приходилось переживать

(1) Тамаша—развлеченіе, врѣлище, гуляніе и т. п.

на улицахъ Бухары весьма тяжелыя минуты, не говоря о такихъ пустякахъ, какъ комки грязи съ крышъ, ругань мальчишекъ, плевки на голову и въ экипажъ и т. п.

Нынешнее положеніе, разумѣется, представляетъ уже большой успѣхъ по сравненію съ тѣмъ, что было 10 лѣтъ тому назадъ; тогда, смѣшно сказать, русскій не рѣшался показываться на улицѣ безъ особыхъ предосторожностей или официальныхъ провожатыхъ, а дамы должны были надѣвать «паранчи» на голову (женскій халатъ верхній) и волосяную сѣтку на лицо.

Въ pendant къ сказанному опишемъ еще сцену изъ уличной жизни города Бухары. На смиренной и кровной лошади ѣдетъ верхомъ ветхій старецъ почтеннаго вида съ большой бѣлой чалмой на головѣ; онъ придерживается за луку сѣдла, а лошадь, покрытую яркой, расшитой попоной, ведетъ подъ узцы молодой конюхъ; впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ идетъ другой провожатый, который держать въ рукахъ близко передъ собою наискосокъ (отъ праваго плеча къ лѣвому бедру) трость, длиною 1½—2 аршина. Люди идутъ пѣшкомъ очень быстро, но передній провожатый ни разу не требовалъ очищенія дороги, а тѣмъ болѣе не употреблялъ въ дѣло своей палки (да она и не для этого, видимо, у него): толпа быстро разступается по сторонамъ, даже базарный шумъ съ приближеніемъ этой молчаливой группы затихаетъ и отовсюду слышатся негромкія, почтительныя привѣтствія. Старикъ непрерывно отвѣчаетъ поклонами по обѣ стороны. Вся сцена имѣетъ, если можно такъ выразиться, домашній характеръ, совсѣмъ другой, чѣмъ тотъ, что мы описали выше, и здѣсь ужъ въ искренности этой толпы нельзя сомнѣваться. На вопросъ, кто этотъ старецъ, говорятъ, что это бывшій казіи и очень «умный» человекъ.

Намъ пришлось, между прочимъ, прочесть одинъ официальный документъ, начинающійся словами: «Высокое судилище могущественной и благородной Бухары»... такъ титуруется собраніе казіевъ и для нихъ самихъ это не кажется комичнымъ, не говоря уже о тѣхъ многихъ единицахъ изъ народа, въ руки которыхъ попадаютъ подобные документы.

На базарѣ случилось встрѣтить такое шествіе: на носилкахъ дюжіе молодцы несутъ неподвижно лежащаго человекъ, покрытаго иногда съ головой плохенькимъ простымъ халатомъ, а впереди идетъ глашатай, бьетъ въ бубенъ и громко выкрикиваетъ, сколько паяковъ получилъ полуживой несомый и за какое именно преступленіе, дабы и другимъ повадно не было.

Для прелюбодѣевъ въ недавнее время, говорятъ, почти специально служила башня «Катта-Минаръ», рельефно возвышающаяся надъ всею Бухарой, съ верхняго яруса которой, изъ окна, выбрасывали преступниковъ на небольшую твердую площадку между мадраса Миръ-арабъ и мечетью Келянъ. По рассказамъ, осужденнаго предварительно завязывали въ мѣшокъ, клали его на особую доску и затѣмъ съ размаха выдвигали за окно, такъ что эта безформенная масса падала далеко отъ основанія башни, чуть-ли не на середину площадки, отскакивала, говорятъ, еще аршина на два отъ земли и затѣмъ оставалась на мѣстѣ до ночи къ ужасу всегда толпящагося здѣсь народа и сотенъ воспитанниковъ сосѣдняго мадраса. Къ этой казни за послѣднія нѣсколько лѣтъ не прибѣгали, и въ то время, о которомъ мы говоримъ, т. е. въ 1886—1888 годахъ, прелюбодѣевъ, кажется, просто рѣзали на Ригистанѣ⁽¹⁾. Намъ, по крайней мѣрѣ, пришлось видѣть тамъ большую лужу свѣжей крови и получить объясненіе, что въ тотъ день утромъ именно казнили посредствомъ перерѣзанія горла двухъ или трехъ прелюбодѣевъ. Послѣ этого казненныхъ, говорятъ, всегда подвѣшиваютъ тутъ же на висѣлицу.

Что касается до выше выраженнаго сомнѣнія нашего относительно «смягченія нравовъ», то это можно подтвердить упоминаніемъ о той жестокой пыткѣ, которой подвергся въ мартѣ мѣсяцѣ 1888 г. убійца одного изъ высшихъ сановниковъ ханства, Мухамедъ-Шерифа-диванъ-беги. Эмиръ, говорятъ, былъ очень огорченъ смертью своего любимца и наперсника, а потому придумалъ такое рѣшеніе: отдать убійцу для наказанія въ полное распоряженіе и усмотрѣніе ближайшихъ подчиненныхъ, слугъ и домочадцевъ покойнаго сановника. Расчетъ оказался вѣрнымъ: тутъ и ноздри рвали, и глаза выкалывали, и ремни изъ кожи вырѣзывали, и подпаливали, и всю «подноготную» проходили, и долго это продолжалось...; наконецъ, привязали его за ноги къ хвосту ишака и выволокли по улицамъ города за ворота, гдѣ бросили вмѣстѣ съ падалью на съденіе бродячимъ собакамъ. Есть тутъ и доля оправданія такому невѣроятному ожесточенію со смертію могущественнаго патрона прекращалось не только ихъ привилегированное положеніе, но, вѣроятно, и средства къ жизни. Въ этомъ эпизодѣ заслуживаетъ вниманіе то обстоятельство, что всѣ эти участвовавшіе въ истязаніяхъ, осквернившіе, казалось, себя добровольнымъ испол-

(1) Площадь передъ кремлемъ.

неніемъ презрѣнныхъ обязанностей заплечныхъ мастеровъ, на слѣдующій же день вращались въ кругу своихъ сослуживцевъ, знакомыхъ и проч. и всѣми были принимаемы совершенно такъ, какъ и раньше, какъ будто ничего дурнаго они не сдѣлали.

Опишемъ еще одну картинку изъ официальной жизни г. Бухары, какихъ скоро, можетъ быть, не придется уже увидѣть. Яркій лѣтній день; весь Ригистанъ занятъ ларями, торговцами и всякимъ народомъ, дѣловымъ и празднымъ; только апарель, ведущая въ аркъ (кремль), остается свободной и видна всѣмъ, какъ на ладони; у воротъ, открытыхъ настежь, толпится нѣсколько мирзъ и яркихъ чиновныхъ халатовъ. Вотъ изъ темной глубины коридора изъ-за воротъ выступаетъ горделивая фигура въ новомъ, не смятомъ еще и блестящемъ халатѣ; за нимъ небольшая свита, тоже сіяющая халатами, пожалованными самимъ Джанаби-али (эмиромъ); на головѣ счастливца въ складкахъ бѣлаго тюбана развѣвается узкій лоскутокъ бумаги—доказательство высшаго назначенія или чина, съ печатью эмира же. Онъ важно и медленно, на виду всей площади, спускается пѣшкомъ по апарели ⁽¹⁾, внизу садится верхомъ, принимаетъ поздравленія и со своими приспѣшниками или свитой отъѣзжаетъ прочь, сопровождаемый и по улицамъ соответствующими замѣчаніями и негромкими разговорами о послѣдней политической новости, въ которой онъ является дѣйствующимъ лицомъ. Упомянутая бумажка въ тюбанѣ носится въ продолженіе нѣсколькихъ дней, дабы всѣ знали и видѣли, что и замѣняетъ собой приказы, объявленія и т. п.

Прежде военная служба въ Бухарскомъ ханствѣ составляла удѣлъ высшаго сословія, «господствующей расы» по преимуществу ⁽²⁾; она была дѣломъ чести и патриотизма и никакого «присвоеннаго отъ казны» содержанія не полагалось. Жили же эти воины-галябатыри, хасабардары, наукары и проч. или на счетъ эмира, жаловавшаго по усмотрѣнію, или на счетъ добычи, приобретаемой на войнѣ, или, наконецъ, на свой собственный счетъ, если были средства. Эти послѣднія добывались, впрочемъ, большею частью тоже на войнѣ или поборами съ управляемаго подвластнаго народа (низшей расы)—земледѣльцевъ и торговцевъ. Но такъ какъ въ мирное время никто, изъ власть имѣющихъ, ратнымъ дѣломъ не зани-

⁽¹⁾ На эту апарель не вѣзжали верхомъ до послѣдняго времени почти всѣ даже самые почтенные русскіе «гости» эмира. Говоримъ «почти всѣ», потому что намъ извѣстно исключеніе.

⁽²⁾ Всѣ эти воины, храня завѣтъ славныхъ предковъ, всегда были ковыми

мался и не имѣлъ о немъ надлежащаго по времени понятія, то естественно, что эта *толпа отдѣльныхъ воиновъ* оказалась несостоятельной при первомъ серьезномъ столкновеніи съ нашимъ *войскомъ*. Но не они въ этомъ виноваты. Едва ли кто изъ бухарцевъ понимаетъ истинное положеніе дѣла, но за политическія несчастія, постигшія отечество, никогда и никто въ Бухарѣ не упрекнетъ свое военное сословіе; на нихъ не лежитъ ни пятна пренебреженія, презрѣнія и т. п.; даже, напротивъ: несмотря на то, что большая часть изъ нихъ уже обнищала, они все еще стараются поддерживать свое достоинство, берегутъ хорошихъ лошадей, оружіе, не поддаются иной разъ свосволю эмировыхъ чиновниковъ, часто составляютъ глухую оппозицію распоряженіямъ даже самаго эмира и проч., и по всему этому служатъ въ глазахъ народа скорѣе образцомъ для подражанія или предметомъ сочувствія, чѣмъ пренебреженія. Мы тутъ должны оговориться, что это не значитъ еще, что народъ ихъ любитъ, такъ какъ это суть естественные его грабители, недопускаемые лишь эмиромъ къ этому и замѣненные болѣе покладистыми выскочками, отпущенными на волю недавними рабами, выходцами изъ сосѣднихъ странъ и проч. Когда вообще говорятъ и пишутъ о войскахъ бухарскихъ, то объ этихъ естественныхъ войнахъ обыкновенно не упоминаютъ, или относятъ ихъ къ прошедшему, что, кстати сказать, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ правильно. Обыкновенно же говорится, что у Бухарскаго эмира имѣется постоянное войско или «армія», численностью въ 10,000—15,000 человекъ, такъ называемыхъ, сарбазовъ. Войска эти наемныя, получаютъ опредѣленное содержаніе отъ эмира (нижніе чины по нѣскольکو рублей въ мѣсяцъ), обучаются кое какимъ воинскимъ артикуламъ на гладкомъ учебномъ плацу съ палками у «эсауловъ» вмѣсто учебныхъ пособій и являются какъ по составу, такъ и по своему внѣшнему виду учрежденіемъ смѣхотворнымъ для всякаго посторонняго наблюдателя. Набираются они изъ лицъ, неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій, бездомныхъ бобылей, бѣглецовъ, отпущенныхъ рабовъ и вообще отбросовъ населенія ⁽¹⁾. Есть между ними правда и семейные, т. е. не бросившіе своей семьи, но живутъ они въ особыхъ поселеніяхъ въ окрестностяхъ города Бухары, носящихъ по этому и названіе «Сарбазъ-ханэ». Оттуда они каждый день (пять или шесть разъ въ недѣлю) ходятъ или ѣздятъ на ишакахъ на ученье на плацъ къ сѣверу отъ Самаркандскихъ воротъ, гдѣ безъ толку и смыслу

(1) Личная гвардія эмира носитъ названіе *кульбатча*, что должно быть переведено: рабы-дѣти, но не ребята.

утрамбовываютъ площадь своей комической «церемоніалкой». Стоитъ въ это время русскому гостю, обыкновенно носящему какую нибудь официальную «форму», появиться верхомъ на краю площади, какъ въ войскѣ происходитъ сильнѣйшій переполохъ: слышатся сигналы, усиленно работаютъ палки, выкрикиваются какія то командныя слова и наконецъ, «на карауль!», послѣ чего водворяется во фронтѣ нѣкоторое спокойствіе, а непривычный «гость» смущенъ оказаннымъ почетомъ. Но стоитъ лишь присмотрѣться къ этимъ комическимъ фигурамъ съ растопыренными ногами и раскрытыми ртами, съ поломанными и перевязанными тряпичей ружьями, иногда даже съ ложами и шомпалами вмѣсто ружей, чтобы смущеніе прошло: этотъ фронтъ ничего уваженія къ себѣ возбудить не можетъ.

Нѣтъ въ этомъ войскѣ офицеровъ, хотя есть офицерскіе мундиры съ разрозненными русскими эполетами; нѣтъ въ немъ военного воспитанія и дисциплины и нѣтъ никакихъ преданій, потому что учреждена эта пѣхота лишь около 25-ти лѣтъ тому назадъ отцомъ нынѣшняго эмира, когда тотъ испыталъ на себѣ удары нашихъ славныхъ туркестанскихъ баталіоновъ.

Покойный эмиръ завелъ пѣхоту въ подражаніе русскимъ, а нынѣшній часто любитъ ея «шагистикой» изъ окошечка, выходящаго на плацъ изъ его новаго лѣтняго дома за Самаркандскими воротами. Этимъ и ограничиваются пока занятія «военнымъ дѣломъ» людей, ничего не понимающихъ ни въ немъ самомъ, ни въ *historia rerum gestarum*.

Остается сказать нѣсколько словъ объ артилеріи бухарской. «Замбаракмызы», т. е. наши пушки, это гордость всякаго бухарца. Нужно видѣть, съ какимъ восторгомъ прислушивается населеніе къ гулу двухъ, трехъ выстрѣловъ, оповѣщающихъ, что на небѣ замѣчена (1), наконецъ, новая луна послѣ мѣсяца Рамазана и что насталь праздникъ Курбанъ-байрамъ. Артилеристы уважаются несравненно больше, чѣмъ пѣхотинцы, во-первыхъ, потому, что они не боятся такого происшествія, какъ выстрѣлъ изъ орудія и даже сами заряжаютъ орудіе и подпаливаютъ фитиль, а во-вторыхъ, пушки, это не новшество въ бухарскомъ военномъ дѣлѣ: предки добывали себѣ съ ними и славу и добычу и покоряли всѣхъ кяфировъ (или гяуровъ). Между двумя, тремя десятками пушекъ, лежащихъ на землѣ и на какихъ-то колесницахъ у воротъ кремля и внутри его, есть, говорить,

(1) Для этого требуется, кажется, удостовѣреніе двухъ надежныхъ и почтенныхъ муллъ, что своими, молъ, глазами замѣтили новую луну.

даже свидѣтельницы и участницы этого славнаго прошедшаго. Представляется поэтому судить о ихъ теперешней боевой пригодности...

Боевой стрѣльбѣ изъ орудій артиллеристы (какъ и пѣхота изъ ружей) не обучаются вовсе: едва ли между ними найдется нѣсколько стариковъ, которые въ дни молодости закладывали еще ядра и гранаты въ дула своихъ орудій. Употреблялись въ послѣднее время артиллеристы исключительно для перевозки почетныхъ гостей эмира и самаго его высокостепенства въ тарантасахъ, коляскахъ, каретахъ и другихъ. Возять они обыкновенно уносами или цугомъ: если экипажъ троечный, то первый уносъ въ одну лошадь въ оглобляхъ; на каждой лошади сидитъ верховой, такъ что на трехъ, напримеръ, уносахъ по двѣ лошади сидитъ шесть фореиторовъ. Однако, стоитъ одинъ разъ проѣхать съ бухарскими артиллеристами въ деликатномъ ресорномъ экипажѣ по ужаснымъ дорогамъ ханства и по извилистымъ и узкимъ улицамъ благородной Бухары, стоитъ посмотрѣть со вниманіемъ, какъ они ловко умѣютъ преодолевать и обходить различныя препятствія и опасности, чтобы признать за ними безспорно высокую степень совершенства въ этомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, съ проведеніемъ желѣзной дороги вдоль главнаго направленія бывшаго движенія русскихъ въ Бухару и эта практика, достойная бухарскихъ артиллеристовъ, должна была значительно сократиться. Остается пока участокъ дороги въ 12 верстъ отъ желѣзнодорожной станціи «Бухара» до города и по улицамъ его.

Спрашивается затѣмъ, чѣмъ можетъ быть оправдано въ настоящее время существованіе этого 10,000 — 15,000-наго бухарскаго войска? Пользы оно (кромѣ развѣ артиллеристовъ) не можетъ принести никакой не только намъ, но и самому эмиру, ни въ случаѣ военныхъ дѣйствій, ни даже въ случаѣ возмущенія внутри ханства. Для обезпеченія его высокостепенства все равно потребуются наши войска. Для эмира содержаніе этого собственнаго постоянного войска есть, безъ сомнѣнія, вопросъ самолюбія, а не признанія пользы или необходимости; или же нужно допустить, что онъ совершенно не понимаетъ своего положенія и не знаетъ своего войска.

Въ глазахъ всего населенія сарбазы какъ по виду своему, — въ пестрыхъ курткахъ и узкихъ штанахъ, — такъ въ особенности по сбродному составу, не пользуются никакими симпатіями; никто не боится и не уважаетъ этихъ «шотовъ гороховыхъ».

Нынѣшняя бухарская армія является еще большимъ анахронизмомъ, чѣмъ самая бухарская стѣна.

П. Пославскій.